ДБ-30
Ш-31
Иван обл.
Шаханов, Н
Очерки по ист.
1929.

ТРУДЫ ВЛАДИМИРСКОГО ГУБЕРНСКОГО НАУЧНОГО ОБЩЕСТВА ПО ИЗУЧЕНИЮ МЕСТНОГО КРАЯ

DБ
30 Иван. обл.
Ш31

Н. П. ШАХАНОВ

ОЧЕРКИ

ПО ИСТОРИИ РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ ВО ВЛАДИМИРСКОЙ ГУБЕРНИИ В 70-х ГОДАХ ПРОШЛОГО СТОЛЕТИЯ

ИЗДАНИЕ ВЛАДИМИРСКОГО ГУБЕРНСКОГО НАУЧНОГО ОБ-ВА ПО ИЗУЧЕНИЮ МЕСТНОГО КРАЯ

ВЛАДИМИР 1929

17610

ТРУДЫ ВЛАДИМИРСКОГО ГУБЕРНСКОГО НАУЧНОГО ОБ-ВА ПО ИЗУЧЕНИЮ МЕСТНОГО КРАЯ

ДБ
30 Ив2Нр.обл.
Ш31

331(47.36)

Н. П. ШАХАНОВ

ОЧЕРКИ

ПО ИСТОРИИ РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ ВО ВЛАДИМИРСКОЙ ГУБЕРНИИ В 70-х ГОДАХ ПРОШЛОГО СТОЛЕТИЯ

БИБЛИОТЕКА
ИНСТИТУТ КРАСНОЙ ПРОФЕССУРЫ
№ 176109/4

972/6

ИЗДАНИЕ
ВЛАДИМИРСКОГО ГУБЕРНСКОГО НАУЧНОГО ОБЩЕСТВА ПО ИЗУЧЕНИЮ МЕСТНОГО КРАЯ

ВЛАДИМИР
1929

ГА ДОЛЖН

г. Владимир
Гублит № 947.
Тир. 1055 экз.
Владполиграф-
треста.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Настоящее издание не претендует на полное и всестороннее освещение вопроса о рабочем движении во Владимирской губернии в 70-х годах прошлого столетия, но поскольку вообще 70-е годы не нашли еще достаточного отражения в истории рабочего движения в России, постольку и выпуск настоящего издания из печати явится не бесполезным как для товарищей, занимающихся исследовательской работой, так и для интересующихся вопросами рабочего движения.

„Очерки" составлены, главным образом, по материалам Владимирских архивов и по местным периодическим изданиям того времени; использована также вся известная автору литература по истории рабочего движения в России.

Заранее приносим благодарность всем товарищам, которые укажут на отдельные промахи и недочеты настоящих „Очерков".

Владимир, июнь 1929 г.

Развитие промышленности во Владимирской губернии после реформы 1861 года.

Один из исследователей экономики Владимирской губернии в начале 50-х годов прошлого столетия писал: „еще сначала, но в особенности с половины прошедшего столетия начинает изменяться промышленный вид Владимирской губернии: из губернии лесной и земледельческой она становится заводской и мануфактурной“ [1]). Это утверждение—не плод „патриотического“ увлечения исследователя местного края,—Владимирская губерния в начале XIX века являлась одной из промышленных губерний России, уступая в этом отношении только Московской и Петербургской. В 1840 году в губернии было 293 фабрики и завода, дававшие работу более 150000 чел. населения, выпускавшие продукции свыше чем на 10 миллионов рублей серебром [2]). В 1852 году в губернии было уже 369 фабрик и заводов с производительностью на 18.874.424 руб. серебром [3]).

Основной промышленностью губернии была хлопчато-бумажная, которая в том же 1852 году давала около 75 проц. всей вырабатывавшейся в губернии продукции (на 14 милл. рублей серебром).

До начала 60-х годов в губернии, как и во всей России, развитие промышленности задерживалось наличием крепостного права. Низкий культурный уровень населения, ничтожная его покупательная способность, отсутствие достаточного количества „свободной“ рабочей силы,—все это задерживало рост фабрик, заводов и других промышленных предприятий. Поэтому одной из задач, которую должен был разрешить указ 19-го февраля 1861 года, являлась задача—дать свободную рабочую силу растущей фабрично-заводской промышленности, для которой вольнонаемный труд был необходимым условием, обеспечивающим ее развитие [4]). По определению В. Сарабьянова,—„реформа 1861 г. в области промышленности является революцией или, вернее, причиной грядущей экономической и технической революции, будучи сама вызвана ростом производительных сил“ [5]).

Реформа 1861 года, освободившая крестьян от помещиков и от земли, дала новый толчек развитию промышленности в губернии. Наличие свободной рабочей силы из крестьянства, разоренного указом 19-го февраля 1861 г., давало возможность фабрикантам расширять свои производства, строить новые фабрики и заводы. Свободная ра-

---

[1]) Я. Соловьев—„Обзор хозяйства и промышленности Владимирской губернии“ („Владимирские Губернские Ведомости“, 1854 г., № 24).

[2]) На 50 миллионов рублей ассигнациями (серебряный рубль в 1839 г. в губернии стоил около 4 р. 60 к.—4 р. 80 к. ассигн.). „Владим. Губ. Ведомости“, 1840 г.,—№ 46, 1859 г.—№ 2.

[3]) „Влад. Губ. Ведомости“, 1853 г., № 41.

[4]) „История ВКП(б)“. Под общей редакцией Ем. Ярославского. Том I, выпуск первый. Госиздат, 1926 г., стр. 11.

[5]) Вл. Сарабьянов—„История русской промышленности“. Изд-во „Пролетарий“, 1926 г., стр. 112.

бочая сила была особенно нужна для хлопчато-бумажных фабрикантов губернии, которые и до реформы работали преимущественно вольнонаемными, а не крепостными рабочими.

В первые годы после реформы промышленность губернии (как и всей России) переживала некоторый период упадка, вызванный, с одной стороны, отходом части рабочих с фабрик в деревню и на работы по постройке железной дороги, с другой—сокращением подвоза хлопка в связи с американской гражданской войной. Но этот период продолжался, сравнительно, недолго и уже со второй половины 60-х годов промышленность губернии начинает быстро расти, увеличившись к концу этого десятилетия почти в полтора раза против 1861 года. Имеющиеся в нашем распоряжении цифры о развитии промышленности губернии в первое десятилетие после реформы говорят следующее [6]).

Годы	Валовая продукция промышленности губернии.	Уменьшение или увеличение по сравнению с предшеств. годом (в процентах)	В % % по отношению к 1861 г.
1861	33.502.601 руб. сер.	—	100
1862	27.938.448 „ „	—16,6	83,36
1863	27.840.691 „ „	— 0,3	83,10
1864	31.248.484 „ „	+12,2	93,27
1865	36.690.523 „ „	+17,4	109,52
1866	42.350.986 „ „	+15,4	126,41
1867	37.683.933 „ „	—11,0	112,48
1868	39.047.000 „ „	+ 3,6	116,55
1869	50.716.707 „ „	+29,9	151,38
1870	49.873.996 „ „	— 1,7	148,86

Сокращение производства в первые четыре года падает преимущественно на хлопчато-бумажную промышленность, игравшую, как сказано выше, доминирующую роль во всей промышленности губернии. Кризисное состояние в этой отрасли промышленности началось еще со второй половины пятидесятых годов. В „Коммерческую Газету“ в конце 1856 года писали из Шуйского уезда, что „недостаток хлопка по случаю Крымской войны и блокады наших берегов понудил отечественных фабрикантов ограничить свои производства и значительно сократить кредит“ [7]). Один год после войны хлопчато-бумажная промышленность работала хорошо, но уже с 1858 года опять отмечаются заминки в торговле бумажной пряжей, ситцем и миткалем, а о 1859 годе „Вестник Промышленности“ писал, что „торговые дела в Шуйском уезде с ситцами, миткалем и бумажной пряжей были весьма худы“ [8]).

[6]) Таблица составлена по отчетам Владимирского губернатора за соответствующие годы, кроме 1868 года, который дан по сведениям из „Ежегодника Министерства Финансов“.

[7]) „Коммерческая Газета“, 1856 г., № 117.

[8]) „Вестник Промышленности“, 1860 г., № 4.

То же самое наблюдалось и в 1860 году. Из Шуи 20-го мая сообщают в „Акционер“: „дела не поправляются; ситцевые фабриканты, после остановки своих фабрик на пасху, не торопятся пускать их в ход“ [9]). Такие же известия в течение всего года появляются и в „Коммерческой Газете“, которая только в ноябре месяце сообщает, что торговля в Шуйском уезде несколько оживляется [10]).

С 1860 года началась гражданская война в Америке, что в следующем году резко сказалось на сокращении привоза американского хлопка в Россию, а это в свою очередь заставило хлопчатобумажных фабрикантов сокращать производство и даже на некоторое время останавливать фабрики. Ковровская „градская полиция“ 28-го декабря 1861 года сообщает Владимирскому губернатору, что „находящиеся в г. Коврове две миткалевые фабрики в продолжении 1861 г. находились в бездействии по дороговизне материалов и рабочих, которые большею частью обратились на работы по железной дороге“ [11]). О том же сообщает и Гороховецкая „градская полиция“.

В течение 1862 года в столичных газетах и журналах неизменно сообщается о сокращении хлопчато-бумажного производства в губернии. Об этом пишет „Акционер“ (№№ 9, 39), „Посредник“ (№№ 246, 255), „Северная Пчела“ (№№ 285, 324). Во „Владимирских Губернских Ведомостях“ 19 сентября 1862 г. была помещена следующая корреспонденция из Шуи: „Наши хлопчато-бумажные дела положительно остановились. Бумажная пряжа не находит покупателей, миткале-ткацкие фабрики не открываются, бумагопрядильные — частью остановлены и частью работают на половинном ходу,—все это весьма озаботило здешний промышленный люд. Все говорят: что будет? чем это кончится? а конца и не видно, он отходит как-бы далее. И действительно, дело запутывается, мнется, колеблется все более и более“... [12]). Губернатор в отчете за 1863-й год пишет, что „упадок хлопчато-бумажного производства по случаю дороговизны и недостатка хлопка продолжает оказывать в 1863 году существенное влияние на народное благосостояние, истощая капиталы, затраченные на устройство хлопчато-бумажных фабрик, и лишая обычного занятия значительную часть народонаселения Владимирской губернии“ [13]).

О размерах кризиса, охватившего хлопчатобумажную промышленность губернии в годы американской войны, можно судить по ценам на бумажную пряжу и миткаль в Шуе и Иванове за это время [14]).

	Медио № 36	Уток № 38	Миткаль в 850 зубц.
1860 г., 4 ноября . . .	14½ р. сер.	12½ р. сер.	5½ к. сер.
1861 г., 20 мая	16½ „ „	16 „ „	5½ „ „
„ „ 23 октября . .	19 „ „	18 „ „	6½ „ „
1862 г., 19 сентября . .	32 „ „	30 „ „	9 „ „
1863 г., 20 декабря . .	40 „ „	37 „ „	11½ „ „
1864 г., 29 мая	47 „ „	43 „ „	16 „ „

[9]) „Акционер“, 1860 г., № 21.
[10]) „Коммерческая Газета“, 1860 г., №№ 117, 127, 151, 179.
[11]) Архив канцелярии Владим. губернатора, 1861 г., дело № 23, лист 8.
[12]) „Владимирские Губ. Ведомости“, 1862 г., № 40.
[13]) Архив канцелярии Владим. губернатора, 1863 г., д. № 197, л. 19.
[14]) Таблица составлена по корреспонденциям Ф. Г. Журова в разные газеты и журналы (см. „Владимирский Земский Сборник“, 1884 г., № 10).

Из таблицы видно, что за $3^1/_2$ года цены на пряжу повысились почти в $3^1/_2$ раза и на миткаль — в 3 раза.

Однако, и с окончанием американской войны хлопчато-бумажная промышленность не сразу оправилась от кризиса. Спекуляция на повышении хлопка, пряжи, миткаля и ситцев продолжалась еще около года. Из Иванова 28 мая 1865 г. сообщали в „Биржевые Ведомости“: „вследствие окончания американской войны, на здешнем рынке произошел совершенный хаос—всех охватила паника. В ценах большое колебание: то упадают, то опять поднимаются. Медио № 40, доходившее в прошлом году до 57 руб., к нынешней пасхе упало до 28 руб.; уток в початках № 38, доходивший до 43 руб., упал до 18 руб.; миткаль в 850 зубц. с 16 коп. упал до 9 коп. серебром. После пасхи цены начали крепнуть“ [15]).

Такое неустойчивое положение в хлопчато-бумажной промышленности продолжалось почти в течение всего 1865 года и только в следующем году губернатор в отчете мог патетически сообщить: „хлопчато-бумажная промышленность, после долгого застоя, в 1866 году значительно оживилась; не одна тысяча рук снова взялась за знакомый труд и бедствовавшие до того семейства снова стали добывать кусок, честно зарабатываемый“ [16]).

Благоприятные условия, создавшиеся для хлопчато-бумажной промышленности после окончания американской войны, продолжались, однако, недолго. Уже в 1867 году эта промышленность, в связи с начавшимся пересмотром таможенного тарифа, опять вступила в кризисное состояние. Из Иванова 1-го октября этого года сообщают в „Торговый Сборник“, что „назначенный пересмотр таможенного тарифа, с целью понижения, производит на здешних фабрикантов тяжелое впечатление; с ситцев сбавили около 3 коп. с аршина; дешевеют также миткаль и пряжа“ [17]). Через полтора месяца „Торговый Сборник“ сообщает еще более неутешительные известия из Иванова: „начавшийся пересмотр тарифа совершенно замял здешние дела. С миткаля и ситцев сбавили 2-3 коп. с аршина; ткачам фабриканты об'явили цену 4 рубля ассигнациями с клуба [18]), вместо 8 рублей, существовавшей прошлую зиму. Фабрики работают уменьшенным ходом“ [19]).

Сокращение производительности фабрик и заводов губернии в 1867 году против предшествовавшего года на 4667 тыс. рублей губернатор в своем годовом отчете об'яснял тем, что „бумаго-прядильные, ткацко-миткалевые и ситцевые фабрики, по случаю колебания цен на хлопок и упадка на миткаль и ситцы, имели в 1867 году гораздо меньший оборот, нежели в 1866 году“ [20]).

1867-й год был переломным для промышленности губернии. Начиная со следующего 1868 года промышленность идет вверх очень крупными шагами. Если за период с 1861 по 1867 год валовая продукция промышленности увеличилась всего на 4 миллиона рублей, то за следующие два года (1868 и 1869) валовая продукция скакнула вверх на 13 милл. рублей.

Этот рост промышленности губернии продолжался и на протяжении всего следующего десятилетия, за исключением 1875-1877 г.г.,

---

[15]) „Биржевые Ведомости“, 1865 г., № 130.
[16]) Архив канц. Владим. губернатора, 1866 г., д. № 47, л. 50-51.
[17]) „Торговый Сборник“, 1867 г., № 40.
[18]) Клубом считались 4 штуки миткаля; по вычислениям Я. Гарелина, ткач работал клуб от $1^1/_2$ до 3 недель.
[19]) „Торговый Сборник“, 1867 г., № 40.
[20]) Архив канц. Владим. губернатора, 1867 г., д. № 14, л. 48.

когда в связи с западно-европейским кризисом и промышленность губернии переживала некоторый застой, усугубившийся неустойчивым политическим положением накануне русско-турецкой войны.

О развитии промышленности губернии в течение 70-х годов можно судить по следующим цифрам [21]):

Годы	Валовая продукция промышленности губернии	Уменьшение или увеличение по сравнению с предшеств. годом	В %/% по отношению к 1861 г.
1871	52.750.772 руб.	+ 5,7 %	157,45
1872	59.172.682 „	+12,2 „	176,62
1873	54.865.315 „	— 7,3 „	163,76
1874	61.272.958 „	+11,7 „	182,89
1875	59.384.938 „	— 3,1 „	177,25
1876	58.231.076 „	— 2,0 „	173,81
1877	61.172.148 „	+ 5,0 „	182,59
1878	72.816.220 „	+19,0 „	217,34
1879	81.545.616 „	+12,0 „	243,40
1880	81.641.666 „	+ 0,1 „	243,69

Если в течение первого десятилетия после крестьянской реформы 1861 г. промышленность губернии увеличилась на 48,86 проц., то в течение второго десятилетия она увеличилась уже на 64 проц., а по отношению к 1861 году—на 143,69 проц.

Как шел рост отдельных отраслей промышленности губернии в течение 70-х годов, видно из следующей таблицы [22]).

Название промышленности	Выработано продукции в 1870 г.	Выработано продукции в 1879 г.	Уменьшение или увеличение за 9 лет
Бумаго-прядильная	9.697 тыс. руб.	22.067 тыс. руб.	+127,56 %
Бумаго-ткацкая	13.319 „ „	18.302 „ „	+ 37,42 „
Льно-прядильная	449 „ „	1.798 „ „	+300,44 „
Красильная и набивная	17.050 „ „	25.913 „ „	+ 51,98 „
Суконная и шерсте-ткац.	214 „ „	5 „ „	— 97,27 „
Шелковая	180 „ „	1.050 „ „	+438,88 „
Стекольная и хруст.	1.056 „ „	1.379 „ „	+ 30,58 „
Машиностроительная	824 „ „	1.334 „ „	+ 61,89 „
Медеобрабатывающая	138 „ „	1.303 „ „	+844,20 „

В эту таблицу не вошли полотняные фабрики губернии, т. к. у нас сведения по ним имеются только с 1874 года. В этом году полотняные фабрики выработали продукции на 2437 тыс. руб., а в 1879 году—на 5479 тыс. рублей, т.-е. в течение 5 лет эта отрасль промышленности увеличилась на 124,82 проц.

Особенный рост в течение 70-х годов показывает шелковая промышленность [23]). В 1870 году в губернии было только 3 шелковые фабрики с 190 чел. рабочих, а в 1879 году стало уже 23 фабрики с 1704 чел. рабочих. Продукция шелковой промышленности, как видно из таблицы, увеличилась за десятилетие в 5½ раз.

[21]) Таблица составлена по отчетам Владимирского губернатора за соответствующие годы.

[22]) „Вестник Владимирского Губернского Земства", 1898 г., № 21-22, стр. 2040-2049.

[23]) Увеличение продукции медеобрабатывающей промышленности на 844,20% об'ясняется постройкой в 1871 г. Кольчугинского медеобрабатывающего завода в Юрьев-Польском уезде.

Также большое увеличение дает льно-прядильная промышленность (увеличилась в 4 раза), полотняная и бумаго-прядильная.

Незначительное увеличение за десятилетие бумаго-ткацкой промышленности (+37,42 проц.) об'ясняется, главным образом, вытеснением ручного ткачества машинным. Из Иванова в „Торговый Сборник“ еще в начале 1870 года сообщали, что на рынке „особенно тихи дела с ручным миткалем, отживающим свой век; его вытесняет миткаль машинный, как лучший“ [24]). Этот процесс вытеснения ручного ткачества машинным виден будет из следующей таблицы:

Годы	Количество бумаго-ткацких фабрик	Количество на них рабочих	Сумма производительности	Среднее число рабочих, приходящихся на одну фабрику	Средняя сумма производительности, приходящаяся на одну фабрику
1870	68	34.307	13.319 т. р.	504,5	195,87 тыс. руб.
1871	69	32.413	15.829 „ „	469,7	229,40 „ „
1872	71	33.073	15.054 „ „	465,8	212,03 „ „
1873	69	33.608	15.170 „ „	487,1	219,85 „ „
1874	70	25.552	12.646 „ „	365,0	180,66 „ „
1875	64	25.920	12.613 „ „	405,0	197,08 „ „
1876	60	25.040	11.494 „ „	417,3	190,05 „ „
1877	48	23.534	11.771 „ „	490,3	245,23 „ „
1878	49	19.603	15.883 „ „	400,1	324,14 „ „
1879	54	19.428	18.302 „ „	359,8	338,93 „ „

Таблица показывает, что при уменьшении общего количества ткацких фабрик в губернии на 20 проц., при уменьшении количества рабочих, занятых на этих фабриках, на 43 проц., при уменьшении среднего количества рабочих, приходящихся на одну фабрику [25]), на 28¾ проц.,—общая производительность всех фабрик увеличилась на 37,42 проц. и средняя производительность одной фабрики — на 73 проц.

Фабрика вытесняет ткацкую светелку.

На это явление губернатор обращал внимание правительства еще в 1872 году, когда в очередном отчете о состоянии губернии писал: „производительность фабрик и заводов губернии растет и совершенствуется с каждым годом; к сожалению, нельзя сказать, чтобы такое развитие фабричной производительности особенно благотворно влияло на благосостояние крестьянского населения; при низкой плате за труд и неограждении рабочих от произвола фабрикантов, она доставляет крестьянам лишь некоторое облегчение в продовольствии и уплате повинностей, между тем подавляет лучший для них источник заработков—промышленность кустарную“ [26]).

Как выше было указано, рост промышленности губернии и в это десятилетие не проходил гладко и спокойно. Кризис 1875—1877 годов

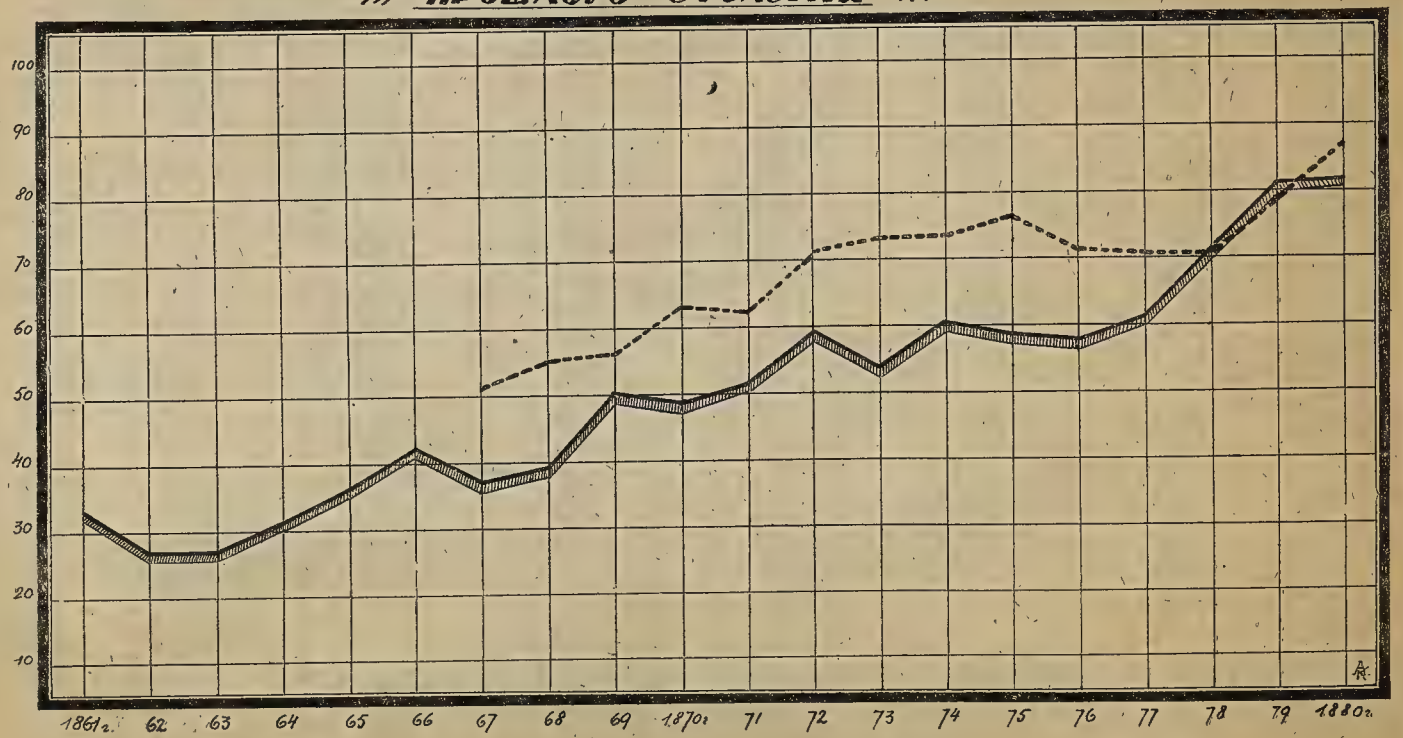
---

[24]) „Торговый Сборник“, 1870 г., № 12.

[25]) Необходимо иметь в виду, что в число рабочих на ткацких фабриках включались и те рабочие, которые работали не в самой фабрике, а в своих домах, на своих или хозяйских станках, получая сырье от фабриканта или посредников.

[26]) Архив канц. Владим. губернатора, 1872 г., д. № 3.

РАЗВИТИЕ ПРОМЫШЛЕННОСТИ во ВЛАДИМИРСКОЙ ГУБ в 60-х и 70-х ГОДАХ
/// ПРОШЛОГО СТОЛЕТИЯ ///



Количество рабочих (в тысячах)

Продукция (в миллионах рублей)

больно ударил, главным образом, опять по хлопчато-бумажной промышленности, заставив крупных фабрикантов сократить производство, а большинство мелких — совершенно закрыть свои фабрики. О размерах этого кризиса в хлопчато-бумажной промышленности губернии можно судить по следующим цифрам [27]).

ГОДЫ	Количество бумаго-пряд., бум.-ткацких, красильных и набивных фабрик	Количество на них рабочих	Производительность	
			В тыс. рублей	В % к предшеств. году
1873	161	61.881	45 555	100
1874	157	56.808	47.839	105,01
1875	148	59.238	47.888	100,10
1876	141	57.247	42.703	89,17
1877	126	55.958	44.551	104,33
1878	119	53.317	59.100	132,66

Из таблицы видно, что крупные фабриканты сумели выбиться из кризиса и к 1879 году расширить свое производство на 30 с лишним процентов против 1873 года, большинство же мелких фабрикантов ликвидировали свои фабрики и светелки (уменьшение количества фабрик на 22,09 проц. и рабочих—на 13,84 проц.). Об этом же сообщалось и в корреспонденции И. Лядова „о фабрикантских и торговых делах в Шуйском уезде", помещенной во „Владимирских Губернских Ведомостях" за 1877-й год. Лядов писал: „фабриканты солидные... настоящий торговый кризис переносят без колебаний, но и они, по худой торговле и по причине всеобщего застоя дел коммерческих, сократили выработку товаров на своих фабриках. Так, бумаго-прядильные и механическо-ткацкие станки в последнее время работают только днем на одну смену, ситцевые фабрики пущены тоже только на половину, что значительно уменьшило заработок на фабриках рабочих и довольно чувствительно отзывается на экономический быт сельского населения" [28]).

Так как кризис половины 70-х годов сопровождался закрытием значительного количества фабрик и заводов в губернии и увеличением в связи с этим безработицы [29]), губернатор 5-го января 1877 года в секретном циркуляре предложил уездным исправникам — „для уяснения того, в какой степени явление это повлияло на экономический быт населения, представить самые положительные сведения

[27]) „Вестник Влад. Губ. Земства", 1898 г., № 21—22, стр. 2040—2049.

[28]) И. Лядов—„Несколько заметок о фабрикантских и торговых делах в Шуйском уезде, по поводу кризиса 1876 года" („Владим. Губ. Ведомости", 1877 г., № 37).

[29]) По отчетам губернатора, число бездействовавших и совсем уничтоженных фабрик и заводов в губернии за годы кризиса было следующее:

ГОДЫ	Всего ф-к и заводов в губернии	Из них	
		Бездействовали	Совсем уничтожены
1874	518	69	7
1875	506	68	10
1876	476	63	30
1877	450	53	50

о сокращении производства на фабриках и заводах“ [30]). Сведения поступили самые неутешительные. Вот что, например, писал Переславский исправник: „из Переславского уезда многие крестьяне находились на фабриках в Москве и Богородском и Покровском уездах (в Орехово-Зуеве) и почти все крестьяне возвратились домой за неимением работ, так как некоторые фабриканты обанкротились совершенно, а некоторые уменьшили или совсем приостановили работу на фабриках... Во всей промышленности сильный застой, что сильно влияет на благосостояние крестьян. Купцы Барановы и до сего времени не дали рассчета крестьянам, возившим лесные материалы и дрова на станцию железной дороги... Некоторые заводчики и лесопромышленники расплачиваются с крестьянами купонами, отрезанными от серий и других бумаг за несколько месяцев вперед“ [31]). Аналогичное положение было и в других уездах. Отдельные фабрики закрывались, некоторые сокращали рабочих (особенно сильное сокращение было на фабриках Владимирского и Юрьев-Польского уездов), другие переходили на работу в одну смену.

Сильнее всего кризис половины 70-х годов ударил по рабочему классу, но об этом мы еще будем подробно говорить в следующей главе.

Не успела промышленность оправиться от этого кризиса, как к началу 80-х годов обозначились признаки нового кризиса. Из таблицы развития промышленности губернии в 70-х годах мы видели, что если валовая продукция в 1878 году по отношению к предшествовавшему году увеличилась на 19 проц., в 1879 году—на 12 проц., то в 1880 г. она увеличилась уже только на 0,1 проц. В новое десятилетие промышленность вступала с грозными признаками нового кризиса.

Так как этот период хронологически выходит уже из рамок нашей работы, то мы ограничимся приведением здесь одной цитаты, характеризующей положение промышленности и рабочих губернии в 1880 году. „Во Владимирской губернии положение как кустарей, так и фабричных рабочих в 1880 г. было таково: в Иваново-Вознесенске было рассчитано не менее 3 проц. рабочего населения, составлявшего здесь целые десятки тысяч. В Орехово-Зуеве, насчитывавшем до 30 тысяч рабочих, сокращение рабочих было еще значительнее. Некоторое время фабриканты не решались распускать рабочих, рассчитывая, что удастся перебиться до лучших дней. Но дела становились все тише, и даже такие фирмы, как наследники Саввы Морозова, распустили рабочих. Владимирская губерния, как известно, была центром кустарной промышленности. Распространены были три промысла; бум.-ткацкий, шерстяной и размотка шелка-сырца. Бумаго-ткацким промыслом занимались более, чем в ста селениях, в которых насчитывалось 3000 ткацких станков. Производство солдатских сукон существовало в 22 селениях и занимало 1200 рабочих рук. Наконец, размотка шелка-сырца давала работу двум тысячам крестьянских девушек. Разумеется, домашняя промышленность стояла в связи с фабричной, и „кустари“ испытали на себе действие кризиса не в меньшей степени, чем фабричные рабочие. Множество их осталось без работы. В течение 1880 года из 165 карасников (владельцев промышленных заведений, занятых размоткой шелка) 50 совсем пре-

[30]) Архив канц. Влад. губернатора, 1877 г., д. № 107.

[31]) Архив секр. части канц. Влад. губернатора, 1877 г., д. № 2, л. 5–6.

кратили работу, остальные же сократили производство, и осталось без работы 900 человек“ [32]).

Заканчивая характеристику развития промышленности губернии на протяжении 60-х и 70-х годов прошлого столетия [33]), считаем нужным привести здесь цифровые материалы о территориальном распределении промышленности по губернии к началу 80-х годов. По приложению к „всеподданнейшему отчету“ Владимирского губернатора [34]), в 1881 году по уездам губернии промышленность распределялась в следующем виде:

УЕЗДЫ	Количество фабрик и заводов	Количество рабочих	Производительность	
			В тыс. руб.	В %
Александровский	45	9078	12476	14,31
Владимирский	27	4018	4735	5,43
Вязниковский	27	6357	3985	4,54
Гороховецкий	58	152	73	0,09
Ковровский	15	4437	5226	5,99
Меленковский	34	7940	4747	5,45
Муромский	67	2428	1838	2,11
Переславский	15	3046	3543	4,07
Покровский	64	20889	15305	17,55
Судогодский	25	2259	1543	1,77
Суздальский	12	213	366	0,42
Шуйский [35])	134	22646	30698	35,21
Юрьевский	21	4668	2669	3,06
Всего	544	88131	87204	100

Таблица показывает, что 50 проц. всей промышленности губернии сконцентрировано было в двух уездах—Покровском и Шуйском (Орехово-Зуево и Иваново-Вознесенск), явившихся вследствие этого главными очагами рабочего движения в губернии, выступившего мощной силой на политическую арену с начала 70-х годов.

---

[32]) Л. М. Клейнборт—„История безработицы в России“. Изд. ВЦСПС. Москва, 1925 г., стр. 40.

[33]) Мы не касались здесь сознательно промышленности кустарной, т. к. она несколько выходит уже за рамки нашей работы и требует специального исследования.

[34]) Печатный отчет за 1881 год, находящийся в библиотеке Влад. губ. арх. бюро.

[35]) В Иваново-Вознесенске—53 предприятия, 11329 рабочих, 19 милл. рублей производительность.

Положение рабочих.

Более или менее правильную статистику численности рабочих на фабриках и заводах Владимирской губернии мы имеем только с 1867 года, а до этого времени приходится пользоваться отдельными сведениями из разных периодических и непериодических изданий, главным образом—из „Владимирских Губернских Ведомостей", неофициальная часть которых дает богатейший материал не только вообще о промышленности, но и о положении рабочих на фабриках, заводах и в кустарных промыслах губернии. Много ценного материала по этим же вопросам встречается и в изданиях владимирского земства. Что касается отчетов губернатора, то к ним приходится подходить с большой осторожностью, т. к. эти отчеты составлялись сначала на основании сведений, получаемых от земских судов и градских полиций, а затем—по рапортам исправников и полицеймейстеров, компетентность которых в вопросах промышленной статистики подлежит большому сомнению [36]).

В половине 50-х годов, по сведениям К. Н. Тихонравова [37]), на фабриках и заводах губернии было около 51.000 рабочих, из них 3.200 мастеров, до 36.000 мастеровых и до 12.000 чернорабочих. Начиная с 1867 года, мы имеем более точные сведения, составленные по „Ежегодникам Министерства Финансов" и помещенные в „Вестнике Владимирского Губернского Земства" за 1898 год. По этим сведениям

[36]) Смена одного исправника другим часто влекла за собой и изменение характера представляемых ими ежегодно сведений о промышленности. Один исправник в число фабрик и заводов включал все кузницы, мельницы, крупорушки и т. п., другой ограничивался только теми предприятиями, где было большое количество рабочих, или где имелся механический двигатель; один включал в число рабочих как тех, которые работали в фабрике, так и тех, которые работали в своих домах, получая сырье от фабриканта, другой последнюю категорию рабочих в свои отчеты не включал. Как правило, все получаемые из уездов сведения в канцелярии губернатора не проверялись, а только под'итоживались,—по крайней мере, нам не приходилось встречать такого случая, когда бы отчеты исправникам возвращались для переделки или исправления. В качестве иллюстрации того, как далека от истины статистика губернаторских отчетов о промышленности, можно привести следующее: в 1880 г. по отчету губернатора в губернии было 520 фабрик и заводов, а в 1881 г.—1912! Если верить отчетам, то в губернии за один год прошла полоса какой-то промышленно-стройтельной горячки, увеличившей число фабрик и заводов почти в 4 раза, а если обратиться к первоисточникам, на основании которых составлялись эти отчеты, то обнаружится, что ряд исправников в число фабрик и заводов в 1881 г. включили водяные и ветряные мельницы, крупорушки, угольницы и т. п. мелкие кустарные предприятия. От таких отчетов исправников в итоге получалось, что такой, например, уезд, как Гороховецкий, по числу „фабрик и заводов" стоял в губернии на первом месте,—в нем было 504 предприятия с 668 чел. рабочих!

[37]) „Владимирский сборник. Материалы для статистики, этнографии, истории и археологии Владимирской губернии". Составил и издал К. Тихонравов. Москва, 1857 г., стр. 11.

количество рабочих в губернии за период 1867—1880 г. г. было следующее:

Год	Количество рабочих	Год	Количество рабочих
1867	51.208	1874	73.754
1868	55.271	1875	76.158
1869	56.484	1876	72.810
1870	63.087 [38]	1877	71.878
1871	62.178	1878	71.343
1872	71.053	1879	78.749 [39]
1873	73.258	1880	87.000 [40]

Таким образом, за период 60-х и 70-х годов количество рабочих в губернии увеличилось почти на 40 тысяч человек, при чем наибольшее увеличение числа рабочих падает на 2-е десятилетие после крестьянской реформы, соответствующее и большему росту промышленности за это время.

О применении **женского и детского труда** в промышленности губернии у нас имеются сведения, близкие к описываемому периоду,— материалы санитарного исследования фабричных заведений Владимирского, Ковровского и Вязниковского уездов, произведенного в 1883 году С. В. Любимским. Обследованные в этих уездах Любимским 9.199 чел. рабочих по полу распределяются следующим образом:

УЕЗДЫ	Количество обследованных рабочих	Мужчин		Женщин	
		Абсол. число	В процентах	Абсол. число	В процентах
Владимирский	3.271	1.894	57,90	1.377	42,10
Ковровский	2.346	1.412	60,19	931	39,81
Вязниковский	3.582	2.312	64,55	1.270	35,45
Всего	9,199	5.618	61,07	3.581	38,93

По отчету главного фабричного инспектора за 1885 год, коснувшемуся около 500 тысяч рабочих разных губерний России, женщины составляли 31,41 проц. числа рабочих и мужчины—68,59 проц.; в производстве по обработке волокнистых веществ процент женщин был равен 40,13 [41]). По этому можно судить, что процент женщин на предприятиях губернии был выше среднего общероссийского, что об'ясняется преобладанием в губернии промышленности по обработке волокнистых веществ (хлопчато-бумажная, льняная, шелковая).

[38]) По отчету губернатора в 1870 г. рабочих в губернии было 58½ тысяч.
[39]) По отчету губернатора—83691.
[40]) Сведения за 1880 г. даны по отчету губернатора, т. к. в „Вестнике Влад. Губ. Земства“ период 1880—1883 г. г. пропущен.
[41]) М. Балабанов—„Очерки по истории рабочего класса в России“. Часть II. Изд-во „Сорабкоп“, Киев, 1924 г., стр. 115.

О применении детского труда в промышленности губернии можно судить по возрастному составу рабочих на обследованных Любимским предприятиях. Обследованные им 9,199 чел. рабочих по возрасту распределялись:

7—10 лет	— 76 чел.,	или 0,83	проц.
11—12 „	— 314 „	„ 3,41	„
13—14 „	— 665 „	„ 7,23	„
15—18 „	—2583 „	„ 28,08	„
19—15 „	—2646 „	„ 28,76	„
26 л. и старше	—2915 „	„ 31,69	„

Из этих цифр видно, что до 12-летнего возраста детей на фабриках и заводах губернии было 4,24 проц., 13 и 14 лет—7,23 проц. и подростков—28,08 проц. Следует принять во внимание, что обследование Любимским производилось в 1883 г., т. е. уже через год после издания закона 1 июня 1882 г., запрещавшего принимать на фабрики детей до 12-летнего возраста [42]).

Переходя к вопросу **о положении рабочих губернии** в период 60-х и 70-х годов прошлого столетия, надо привести доказанный уже в литературе, на основе анализа архивных материалов и печатных источников того времени, взгляд на положение рабочих в России вообще в первые два-три десятилетия после крестьянской реформы, как на время самой жестокой и безграничной эксплоатации труда капиталом. М. Балабанов пишет, что „отношение капитала к труду в этот первый капиталистический период России определялось тем, что капитал имел перед собой обнищавших, разоренных, придавленных податями и всеми условиями жизни, крестьян, которые искали работы и готовы были взять ее на любых условиях. Капитал улавливал эту рабочую силу, старался сделать ее еще более дешевой и покорной. Все усилия его были направлены к этому, как и к тому, чтобы из случайного, пришлого работника сделать постоянного рабочего, прикрепленного к предприятию оторванностью от деревни и невозможностью выбиться из кабалы“ [43]). М. Н. Покровский об этом же периоде говорит: „в каких же условиях жил фабричный пролетариат, этот новый для народнической России общественный слой? Да в таких же, в каких всегда живут рабочие в периоды „первого расцвета“ промышленного капитализма, когда промышленная буржуазия празднует свою „весну“. Весной в России мокро и холодно,—

[42]) О положении малолетних на фабриках губернии губернатор в письме министру внутренних дел в 1875 году сообщал: „Обширное развитие во Владимирской губернии заводской и фабричной промышленности дало весьма широкий простор усиленным работам малолетних крестьянских детей. На всех фабриках и заводах работают массы детей обоего пола, начиная с 10-летнего возраста и даже моложе. Дети эти употребляются в работы не только днем, но и ночью, имея отдых лишь несколько часов в сутки. Такое чрезмерное, сравнительно с возрастом, употребление их в работы в душной фабричной атмосфере окончательно разрушает их здоровье и впоследствии делает людьми тупыми, болезненными, слабыми и вообще физически и нравственно до крайности неразвитыми. Усиленное занятие фабричной работой не позволяет им ни учиться грамоте, ни чем бы то ни было заниматься другим. Школы, устроенные при некоторых фабриках, посещаются ими лишь в виде отдыха, другие же и совсем не посещаются, нося одно название школ, отчего польза их сама собою понятна“ (Архив. канц. Влад. губернатора, 1875 г., д. № 141, л. 4).

[43]) М. Балабанов—„Очерки по истории рабочего класса в России“, стр. 77.

грязь и слякоть русской промышленной „весны“ доставались, конечно, прежде всего на долю пролетария“ [44]).

Владимирская губерния, понятно, не была в этом отношении исключением: здесь также рабочий задыхался в цепких лапах паука-капиталиста. До чего доходили издевательства капиталистов над рабочими, можно судить по тому, что на фабрике С. Морозова, в Орехове-Зуеве, до половины 60-х годов существовала специальная сторожка, с железными решетками в окнах, куда сажали по приказанию фабричной администрации провинившихся в чем-либо рабочих. Для „усмирения“ рабочих в этой сторожке были специальные плетки и палки с железными наконечниками. Директор фабрики англичанин Риг при разговоре с рабочими постоянно употреблял, в качестве „убеждающего средства“, собственные кулаки [45]). Такое обращение с рабочими было не только на Морозовской фабрике.

„Свободный“ труд был нужен капиталисту для того, чтобы можно было в любое время получить столько рабочих, сколько ему необходимо, при том по более дешевой цене, а в случае надобности,—при кризисе, или какой-либо заминке в производстве,—выбросить их снова на улицу. **В условиях найма**, которые подписывались рабочим при поступлении его на фабрику, неизменно повторялось, что рабочий ранее условленного срока [46]) не имеет права самовольно или даже по уважительной причине оставить фабрику, в противном случае он платит большой штраф, фабрикант же волен в любое время лишить рабочего работы и выбросить из производства. На фабрике Собинской М-ры, во Владимирском уезде, в условиях найма был такой пункт: „те из рабочих, которые потребуют расчета раньше условленного срока, считаются самовольно уходящими и подвергаются удержанию из заработанной суммы, в виде штрафа, шестинедельной платы, за которую он работал на фабрике“ [47]). На фабрике Горкинской М-ры, в Ковровском уезде, в условиях найма было сказано: „оставившие работу до срока лишаются всех заработанных денег, состоящих у них за конторой, которые и остаются в пользу хозяина“ [48]). На фабриках Лежневской М-ры, в том-же уезде, с каждого рабочего удерживался до окончательного расчета двухнедельный заработок для того, „чтобы рабочие не могли оставлять фабрику самовольно“ [49]). На Лосевской фабрике И. Сенькова, в Вязниковском уезде, в условиях найма был такой параграф: „причинами, за которые может директор отказать рабочему до срока, признаются: лень, пьянство, воровство, непослушание, грубость и все то, что мешает успешному исполнению работы“ [50]). Как видим, рабочий ни при каких условиях не мог оставить фабрику до срока, фабрикант же мог найти тысячи предлогов, когда ему нужно было выбросить рабочего из фабрики.

Условия найма, в которых определялись права фабриканта по отношению к рабочему и рабочего по отношению к фабриканту, в

---

[44]) М. Покровский—„Русская история в самом сжатом очерке“. Части I и II. Госуд. Изд-во, 1922, стр. 169.

[45]) Архив Владимирского Губернского Правления, 1861 г., д. № 54, л. 136.

[46]) Обычные сроки найма были: с пасхи по 1-е октября и с 1-го октября по пасху.

[47]) С. В. Любимский—„Санитарное исследование фабричных заведений Владимирского и Ковровского уездов“ („Владимирский Земский Сборник“, 1883 г., № 10, стр. 25).

[48]) Там-же, стр. 305.

[49]) Там-же, стр. 373.

[50]) „Владимирский Земский Сборник“, 1884 г., № 10, стр. 164.

сущности нисколько не ограждали рабочего от эксплоатации и произвола со стороны нанимателя. Неграмотный рабочий в большинстве случаев совершенно не знал этих условий, машинально ставил под ними крест при поступлении на фабрику и предоставлял толкование их всецело фабриканту. С. В. Любимский, обследовавший в 1883 г. фабрику купца Лебедева, во Владимирском уезде, пишет: „условия найма существуют лишь для известной формальности, потому-что, как оказалось из расспросов рабочих, так и из показаний самого хозяина фабрики, эти условия нисколько не гарантируют от известного произвола хозяина“ [51]). Владимирский губернатор Судиенко в докладе министру внутренних дел в январе 1880 г. писал: „По принятому всеми без исключения хозяевами ф-к и их администрациями порядку, условия найма излагаются в расчетных книжках, тетрадях и т. п. документах, составляемых самими фабричными управлениями и выдаваемых рабочим на руки. Содержание книжек этих, заключающих, по большей части, несколько страниц печатного текста, в высшей степени разнообразно. Каждый фабрикант или его управление, изощряясь исключительно над соблюдением своих выгод, начиная от установления праздничных нерабочих дней и числа рабочих часов и оканчивая определением всех родов провинностей, за которые полагаются с рабочего разных размеров штрафы и вычеты, редактирует условия найма по своему усмотрению... С уверенностью можно утверждать, что в громадном большинстве случаев таким способом заключенные условия нельзя считать состоявшимися по обоюдному соглашению, тем более, что достаточным доказательством последнего со стороны рабочего считается самый акт принятия им расчетной тетради от фабричной конторы. Трудно, да и вовсе нельзя допустить, чтобы полуграмотный или совершенно безграмотный рабочий, а таких большинство, при беглом чтении ему в фабричной конторе, если это даже и делается, каких нибудь 50 статей условия, или впоследствии, по складам разбирая сам, или с помощью товарища, печатный текст расчетной книжки, испещренный ссылками на статьи закона, отчетливо бы понял все принимаемые им на себя обязательства“ [52]).

Губернатора трудно заподозрить в сочувственном отношении к рабочим, поэтому его характеристика взаимоотношений между рабочими и капиталистами является достаточно убедительной.

Продолжительность рабочего дня на фабриках и заводах губернии была очень большой, доходя даже в начале 80-х годов до 15½ часов в сутки. В 1869 году губернатором были запрошены от фабрикантов некоторые сведения о производстве, в числе которых был и вопрос о продолжительности рабочего дня. Большинство фабрикантов сообщили, что рабочий день равнялся 13-14 часам, а на некоторых фабриках—15-16 часам [53]).

В 1872 г. в „Русских Ведомостях“ печатался ряд статей об Иваново-Вознесенских фабриках, при чем автор этих статей определял средний рабочий день на Ивановских фабриках в 15½ часов [54]).

Л. Мартов пишет, что „в прядильных и ткацких фабриках Иванова-Вознесенска и Шуи в начале 80-х г.г. практиковалась 12-часовая работа, а на ситце-печатных фабриках 13½ и даже 14½ часов;

---

[51]) „Владим. Земский Сборник“, 1883 г., № 10, стр. 165.
[52]) Архив канц. Владим. губернатора, 1879 г., д. № 127.
[53]) Архив канц. Влад. губернатора, 1869 г., д. № 127.
[54]) М. Балабанов—„Очерки по истории рабочего класса в России“, стр. 88.

при этом применялись сверхурочные работы, удлинявшие рабочий день фактически до 18-20 часов [55]).

С. В. Любимский в материалах санитарного исследования фабричных заведений Владимирского, Ковровского и Вязниковского уездов [56]) по 33 фабрикам определяет следующую продолжительность рабочего дня (за исключением перерывов на обед и завтрак):

15 1/2	часов	на 1	фабрике
14	„	„ 1	„
13 1/2	„	„ 1	„
13 1/4	„	„ 3	фаб-ках
13	„	„ 2	„
12	„	„ 14	„
11	„	„ 3	„
10	„	„ 1	„
9 3/4	„	„ 1	„
Произвольно		„ 6	„ [57]).

Сокращенный рабочий день для малолетних был редким исключением, в большинстве же случаев они работали наравне со взрослыми. Любимский из всех обследованных фабрик только на двух (Ставровская м-ра, во Владимирском уезде, и ручные ткацкие фабрики Швецовых, в Ковровском уезде) встретил уменьшенный на два часа рабочий день для малолетних, при чем и этот уменьшенный день в одном случае равнялся 12, в другом—9 часам.

Кроме общей продолжительности рабочего дня, рабочему приходилось много переносить и от **порядка смен** на фабриках. На большинстве хлопчато-бумажных фабрик губернии рабочие разбивались на две смены, чередующиеся четыре раза в сутки. На фабрике, например, Собинской М-ры смены чередовались таким образом: первая смена—с 12 часов пополудни до 6 час. вечера и с 12 час. ночи до 6 час. утра, вторая смена—с 6 час. вечера до 12 час. ночи и с 6 ч. утра до 12 час. пополудни. Если принять во внимание, что подавляющее большинство рабочих жило не на фабриках, а в окружающих деревнях, отстоящих иногда на 5-10 верст от фабрики, то ясно будет, сколько оставалось рабочему свободного времени для сна и отдыха.

Не лучше было и на тех фабриках, где существовала односменная работа. Вот как, например, производились работы на красильной фабрике бр. Н. и П. Дербеневых в Ковровском уезде: зимой работа начиналась в час ночи и кончалась в 4 ч. пополудни, летом начиналась в 5 ч. утра и кончалась в 7 ч. вечера [58]).

Праздничный отдых в большинстве случаев не превышал 24-х часов: работа кончалась в 6 ч. утра в самый день праздника и начиналась в 6 ч. утра следующего за праздником дня. На отдельных фабриках

---

[55]) Л. Мартов—„Развитие крупной промышленности и рабочее движение до 1892 г." („История России в XIX веке", изд. Граната, том VI, стр. 119).

[56]) „Владимирский Земский Сборник", 1883 г.,—№ 10, 1884 г.,—№ 10.

[57]) „Произвольно"—главным образом, на ручных полотняно-ткацких фабриках Вязниковского уезда, где была сдельная плата; сам Любимский это „произвольно" расшифровывает, заявляя, что фактически на этих фабриках рабочий день равнялся 15, 16 и даже иногда больше часов в сутки.

[58]) „Владимирский Земский Сборник", 1883 г., № 10, стр. 130.

работа после праздника начиналась с 12 ч. ночи и праздничный отдых тогда для рабочих сокращался до 18 часов.

С. В. Любимский, в результате анализа влияния продолжительности рабочего дня на рабочих фабрики Лежневской м-ры, в Ковровском уезде, пишет: „общий вид рабочих-ткачей был не вполне удовлетворительный. Здесь часто попадались образцы большего или меньшего истощения и исхудания и общая бледность покровов, усталое, сонливое выражение лица представлялось взору не раз, и одним из главных условий подобного истощения служит весьма незначительное количество часов сна и отдыха вообще, т. к. работающие при фабрике в большинстве случаев из окружающих деревень, расположенных от фабрики на расстоянии 1-4-6 верст. Пользуясь в сутки лишь 12-ю часами отдыха, рабочие чуть-ли не половину этого времени употребляют на прохождение с фабрики по домам и обратно, а из 6-7 часов, остающихся им для сна, часть времени употребляется на пищу, починку белья, одежды и другие хозяйственные нужды. В результате же является вывод, что количество часов сна для рабочих дальних, а их не мало, не превышает 4-х в сутки“ [59]).

Переходя к вопросу **о размерах заработной платы** в промышленности губернии, необходимо прежде всего отметить, что даже в начале 80-х годов на некоторых фабриках рабочие не знали, сколько они должны получать за работу с фабриканта. Любимский приводит такие факты: при опросе многих рабочих бумаго-ткацкой фабрики Т-ва Воскресенской м-ры, в Ковровском уезде,—сколько он имеет заработка в месяц и на каких условиях он нанят,—приходилось получать ответ: „не могу знать, сколько положат“ [60]). То же самое встречено было и на фабрике Баканова, в том же уезде: „многие из опрошенных нами рабочих не имели сведений о том, какая сумма будет положена хозяином на сдельные работы, несмотря на то, что от нового найма с пасхи (т. е. половины апреля) и до дня, в который произведено было обследование (24 мая), прошло более месяца. Никаких определенных цен на сдельные работы не существует вывешенными на стенах мастерских, как это практикуется на других фабриках, и назначение этой платы зависит вполне от доброй воли хозяина“ [61]). В условиях найма на Ярцевской льно-прядильной ф-ке В. Ф. Демидова, в Вязниковском уезде, имелся такой параграф: „если не будет в книжке означено жалованье сдельное или месячное, то это будет соответствовать тому, что рабочий поступил без ряды, на жалованье, какое ему назначит хозяин по своему усмотрению, судя по заслуге и работе нанявшегося“ [62]). Эти примеры показывают, что рабочий не всегда мог при найме знать, сколько он будет получать за работу, а это в свою очередь давало неограниченные возможности фабриканту понижать заработную плату рабочих. И действительно, сравнение размера заработной платы рабочих в дореформенный и после-реформенный период показывает, что параллельно с ростом промышленности шло и понижение заработной платы. Ивановский фабрикант Я. Гарелин, один из лучших знатоков местной промышленности, по этому поводу пишет: „Блестящая пора больших заработков у ивановского рабочего кончилась с введением в дело машин. Пока машин не было или они являлись отдельными нововведениями, рабочий,

59) „Владимирский Земский Сборник“, 1883 г., № 10, стр. 384.
60) Там-же, стр. 256.
61) Там-же, стр. 406.
62) „Владимирский Земский Сборник“, 1884 г., № 10, стр. 31.

можно сказать, царил на фабрике—от него зависело, работая хорошо, получать большие деньги и доставлять в то же время и хозяину порядочный барыш, или, разозлившись на хозяина, портить ему товар и все-таки не оставаться в накладе в случае расчета, потому что он мог тотчас же явиться к конкуренту своего прежнего хозяина и доставить тому возможность одержать верх над последним... Словом, хозяин был тогда в известной тягостной зависимости от рабочего. Но вот являются машины и мало-по-малу завладевают всем делом. Рабочим пришлось уже не хозяйствовать, а стать в подчинение к бездушным машинам, с которыми разговоров вести, конечно, невозможно было и которые, вдобавок, срабатывали по меньшей мере в десять раз больше, чем могли сделать все рабочие, находящиеся на фабрике. Таким образом, в фабричном производстве стали царить машины, успеху которых немало содействовало и то обстоятельство, что время их окончательного введения на фабриках совпало с временем освобождения крестьян из крепостной зависимости и, следовательно, с временем наибольших хлопот для всех освобожденных от крепостного права. Рабочий сделался теперь вполне зависимым от машины“ [63]).

По вычислениям М. Туган-Барановского, размер месячной заработной платы на хлопчато-бумажных фабриках Шуйского уезда (за период: вторая половина 50-х годов—1883 год) изменился в следующем виде [64]):

Категории рабочих	Зар. плата в 1856-1858 г. г.	Зар. плата в 1883 г.	Увеличение (в процен.)
Прядильщики . . .	14 р. 58 к.	16 р. 25 к.	+ 12
Присучальщики . .	5 „ 50 „	10 „ 89 „	+ 98
Ставильщики . .	3 „ 50 „	5 „ 63 „	+ 61
Трепальщики . . .	7 „ — „	10 „ — „	+ 43
Банкаброшницы . .	6 „ — „	9 „ 50 „	+ 58
Ленточницы	5 „ 50 „	8 „ — „	+ 45
Мотальщицы . . .	9 „ — „	11 „ 25 „	+ 25
Ткачи механич. . .	11 „ 25 „	11 „ 67 „	+ 4
„ ручные . . .	6 „ 67 „	6 „ 37 „	— 4
Ставильщ. ручные .	6 „ 04 „	9 „ 50 „	+ 57
Набойщики	9 „ 67 „	12 „ 74 „	+ 32
Резчики	10 „ 83 „	18 „ 62 „	+ 72
Кузнецы	9 „ 17 „	23 „ 54 „	+157
Слесаря	12 „ 17 „	21 „ 09 „	+ 73
Столяры	11 „ 25 „	28 „ 68 „	+155

Как видно из этой таблицы, увеличение заработной платы почти по всем категориям рабочих за 25 лет было не очень значительное, за исключением кузнецов и столяров, а у самых многочисленных групп рабочих—прядильщиков и ткачей—увеличение и совсем незначительное,—в то время, как цена пуда ржаной муки за то же время повысилась на 95 проц. Таким образом, на деле получается не увеличение, а уменьшение заработной платы на 20-30 проц.

[63]) Я. Гарелин—„Город Иваново-Вознесенск“, ч. II, стр. 100 (цитируем по Туган-Барановскому—„Русская фабрика в прошлом и настоящем“, коопер. изд-во „Московский Рабочий“, 1922 г., стр. 331).

[64]) М. Туган-Барановский—„Русская фабрика“... стр. 332.

По исследованию С. В. Любимского, средний размер месячной заработной платы на 33-х фабриках Владимирского, Ковровского и Вязниковского уездов в 1883 г. был следующий:

Мужчины.			Женщины.			Малолетние.		
20 р. — к.	на 2	фабр.	13 р. 50 к.	на 1	фабр.	8 р. — к.	на 2	фабр.
16 „ — „	1	„	13 „ — „	2	„	7 „ — „	4	„
15 „ — „	2	„	12 „ — „	3	„	6 „ 50 „	1	„
14 „ — „	1	„	11 „ — „	2	„	6 „ — „	2	„
13 „ 50 „	1	„	10 „ — „	5	„	5 „ — „	6	„
13 „ — „	1	„	9 „ — „	2	„	4 „ 50 „	3	„
12 „ — „	5	„	8 „ — „	1	„	4 „ — „	2	„
11 „ — „	1	„	7 „ 50 „	1	„	3 „ — „	1	„
10 „ — „	6	„	7 „ — „	2	„	2 „ 50 „	2	„
9 „ — „	2	„	4 „ 50 „	1	„	2 „ — „	6	„
8 „ — „	5	„	4 „ — „	6	„			
4 „ — „	6	„	2 „ 40 „	1	„			

Как видим, мужчины по 20 р. в месяц зарабатывали только на двух фабриках, ниже 10 руб. в месяц—на 19 фабриках, при чем на 6 фабриках заработок мужчины равнялся всего 4 р. в месяц.

Женщины свыше 10 рублей в месяц получали на 8 фабриках, от 5 до 10 р.—на 11 фабриках и ниже 5 р.—на 8 фабриках.

Малолетние свыше 5 р. получали на 9 фабриках, от 3 до 5 р.—на 12 фабриках и ниже 3 р.—на 8 фабриках.

Если принять во внимание, что цена пуда ржаной муки во Владимирской губернии в 1883 г. равнялась 1 р. 10 к.—1 р. 15 к., то надо признать, что заработная плата была необычайно низкой. Когда в 1880 г. губернская земская управа запросила фабрикантов об их отношении к вносимому на очередную сессию губернского земского собрания проекту обязательных правил, регулирующих отношения фабрикантов к рабочим, в которых (правилах) имелся пункт о сокращении продолжительности рабочего дня для малолетних до 8 часов, то фабриканты высказались против этого пункта преимущественно с точки зрения, якобы, защиты интересов рабочих, у которых тогда сократится и так небольшая заработная плата. Интересен расчет, представленный фабрикантом Кузнецовым, который в своем отзыве на проект писал: „от 14 до 17 лет работать 8 часов при задельной работе никто не пойдет на фабрики, а если за работу получать жалованье помесячно, то фабриканты не в состоянии будут принять их. Моталка получает жалованья 2 р. и 2 р. 50 к. в месяц, харчи стоят 4 р. и 4 р. 50 к., наименьшее число жалованья и харчей 6 р. в месяц разделить на 25 рабочих дней, приходится по 24 коп. в день, или на 12 часов рабочих по 2 к. в час; если же работать по 8 ч. в сутки, полагая по 2 к. в час, денная плата будет 16 к. в день, эту же самую сумму стоят и харчи в день,—это то же, что отказаться от бумажных фабрик лицам женского пола, недостигшим 16-летнего возраста, т. к. не согласятся работать из хлеба без жалованья“ [65]).

Низкая заработная плата рабочих значительно уменьшалась еще системой многочисленных **штрафов**, которым подвергался рабочий за всевозможные проступки. Штрафовали за все: за опоздание на работу, за брак, за курение табаку, за хранение в карманах спичек, даже

[65]) „Доклады Владим. губ. земской управы очередному губ. земскому собранию XV сессии“, 1880 г., стр. 200-209.

за громкий разговор в казармах, за сиденье на машинах и ящиках и т. д., и т. п. В условиях найма на фабрике т-ва Воскресенской м-ры, в Ковровском уезде, перечислялись следующие штрафы: „за шалости во время работы от 10 до 25 коп.“, „за дреманье во время работы от 10 до 15 коп.“, „за прогул с разрешения—по расчету получаемого жалованья“, „за прогул самовольный—по расчету получаемого жалованья вдвое“ [66]). На фабрике Симанина, во Владимирском уезде, рабочие за хранение спичек в карманах и за курение табаку в здании фабрики штрафовались до 3 рублей [67]).

Непременный член Покровского полицейского управления Цветаев, для характеристики системы штрафов, налагавшихся на рабочих фабрики С. Морозова в 60-х годах, в докладе губернатору приводит такой случай: „один из ткачей побранился с ткачихою и оба пришли к директору Ригу жаловаться друг на друга. Риг об'явил им обоим, что за ссору следует с них обоих в пользу Морозова штрафов в количестве—с ткачихи рубль серебром, а с ткача—2 р. 80 к., затем велел обоих жалующихся из конторы выгнать, а штраф тот взыскать, вычтя из их заработков. Это исполнено. В тетрадках их записано в одно время: у ткачихи так—„штрафу за драку 1 рубль“, а в тетради ткача—„штрафу за драку 2 р. 80 к.“ и итог подведен за вычетом этих сумм“ [68]).

Капитан корпуса жандармов Тимофеев в 1871 г. о положении Иваново-Вознесенских рабочих писал: „нельзя не сказать, что вообще Ивановские рабочие в высшей степени подавлены гнетом своих хозяев-фабрикантов, сильно их эксплоатирующих. Низкая заработная плата, при чрезвычайной дороговизне в селе Иванове продовольственных припасов, еще более уменьшается разного рода вычетами и штрафами, которые взыскиваются фабрикантами за разгул и прочее“ [69]).

Губернатор в докладе министру внутренних дел в январе 1880 г. приводит такие примеры штрафов на фабриках губернии, предусмотренных расчетными книжками: „при приемке и браковке товара, если последний не соответствует известным качествам, хозяин или приказчик имеют право налагать на виновных взыскание по своему усмотрению. Если кто не пожелает работать и служить на фабрике, обязан о том об'явить директору или конторе за две недели, в противном случае лишается всех заработанных денег (расчетная книжка Шуйского купца Щеколдина). Вычету в размере платы за полдня подвергается рабочий, пришедший позднее 10 минут после второго звонка, отлучающийся без позволения с места работы или хотя и находящийся на месте, но не занимающийся своим делом (расчетная книжка фабрики Н. Гарелина с-вей в Иваново-Вознесенске). За явку на работу спустя четверть часа после звонка рабочий лишается дневного заработка, а за самовольную отлучку в рабочие дни с заведения или от работы—трехдневного заработка в пользу хозяина. Фабричные и мастеровые, имеющие квартирные помещения в зданиях фабрики, отлучаясь в праздничные дни, обязаны возвращаться в свои квартиры летом не позднее 10, а зимой 8 часов вечера; нарушители

---

[66]) „Владимирский Земский Сборник“, 1883 г., № 10, стр. 281.

[67]) Там-же, стр. 144.

[68]) Архив Влад. губернского правления, 1864 г., д. № 54, л. 162.

[69]) Р. Кантор—„К характеристике экономического положения рабочего элемента, в Иваново-Вознесенске (1871 г.)“—„Архив истории труда в России“, кн. 5-я, часть 2-я стр. 21.

сего подвергаются вычету дневного заработка в пользу увечных фабричных (расчетная книжка т-ва Никольской м-ры Морозова и К°)“ [70]).

Помимо таких штрафов за разные проступки, на многих фабриках с рабочих ежемесячно вычитались определенные суммы на баню, больницу, на увечных, ночных сторожей и т. п. В „Современных Известиях“ за 1879 г. сообщалось, что на шелковых фабриках в Покровском уезде „фабриканты делают с рабочих множество произвольных вычетов—за очищение ретирадов, за содержание врача в городе, за мытье полов и т. д.“ [71]).

Вполне понятно, что все эти штрафы и вычеты являлись для фабрикантов и источником дохода, и поддерживали дисциплину на фабрике. О доходах фабрикантов от штрафов можно судить по подсчетам фабричного инспектора Владимирского округа Пескова, который сообщает, что на одной фабрике губернии в 1882-1883 г. по прядильному отделению с 900-950 рабочих было взыскано 1007 рублей штрафа, что составляло на рабочего 1 р. 08 к., по ткацкому отделению—с 1300-1500 рабочих—4155 руб., что на одного рабочего давало 3 р. 13 к.; в общем фабрикант положил себе в карман 5162 руб. рабочих денег. На другой фабрике с 1300 рабочих было взыскано: за прогул 342 р. 80 к., за порчу товара—4628 р. 58 к., за разные проступки—1316 р. 06 к.,—всего 6287 руб. 44 коп. или 4 руб. 88 коп. с каждого рабочего [72]).

Непомерное увеличение штрафов на фабриках и заводах и начавшиеся в связи с этим волнения рабочих в некоторых уездах губернии заставили губернатора еще в 1875 г. издать секретный циркуляр исправникам, в котором им предлагалось „убеждать“ фабрикантов не делать произвольно вычеты у рабочих из заработной платы. В циркуляре губернатор писал: „многие фабриканты и заводчики за прогул, несвоевременную явку на работы и другие провинности дозволяют себе по собственному усмотрению подвергать рабочих штрафам, или уменьшать заработную плату, хотя бы это и не входило в договоры найма; штрафы эти нередко взыскиваются совершенно напрасно, по одним ни на чем не основанным начетам фабричных табельщиков, и во многих случаях в размерах, далеко превышающих виновность, так что многим рабочим часто приходится уходить с фабрик без всякого заработка“ [73]). Само собою понятно, что этот циркуляр не имел практически никакого значения и ни в малейшей степени не повлиял на уменьшение штрафов на фабриках и заводах губернии.

Помимо того, что заработная плата была очень низкой, что она уменьшалась еще разными штрафами и вычетами,—она к тому же выдавалась несвоевременно, а это заставляло рабочих кредитоваться **в фабричных продовольственных лавках**. В цитированной уже нами корреспонденции в „Современных Известиях“ за 1879 г. сообщалось, что на шелковых фабриках в Покровском уезде „деньги рабочим выдаются только в случае самой крайней необходимости, остальную же часть заработка рабочему предоставляется забирать у фабрикантов в лавке товаром, который продается им по весьма дорогой цене“. Но даже и на тех фабриках, где выдача заработной платы происходила ежемесячно, она выдавалась, обыкновенно, между 15 и 30 числом сле-

[70]) Архив канц. Влад. губернатора, 1879 г., д. № 127.

[71]) „Современные Известия“, 1879 г., № 130.

[72]) М. Балабанов—„Очерки по истории раб. класса в России“, стр. 87.

[73]) Архив секр. части канц. Влад. губернатора, 1875 г., д. № 15, л. 1.

дующего месяца, что волей-неволей заставляло рабочего кредитоваться в фабричной лавке. На фабрике т-ва Лежневской м-ры, в Ковровском уезде, в условиях найма был такой пункт: „выдача заработанных денег производится ежемесячно между 20-м и 30-м числами, по усмотрению хозяина. До дня же, который между 20 и 30 числами назначен будет для выдачи, денег никто не вправе требовать, т. к. контора фабрики не может иметь во всякое время на-готове денег для расплаты с рабочими; если же ранее дня, назначенного для выдачи денег, кому-либо из рабочих понадобятся припасы или другие предметы, имеющиеся в продаже в находящемся при фабрике магазине, то может получить таковые из магазина в кредит, по запискам от конторы, по назначенным в магазине ценам и в размере, в каком это найдет возможным контора, с тем, чтобы долг магазину был впоследствии зачтен при ежемесячной расплате с рабочими“ [74]). Понятно, что все рабочие, в силу такого положения, были всегда в долгу у фабричной лавки.

Относительно фабрики т-ва Собинской м-ры, во Владимирском уезде, С. В. Любимский пишет, что „обязательного забора в лавке хотя и нет, но ввиду того, что, во-первых, нигде поблизости для фабричной лавки нет конкуренции, а, во-вторых, т. к. лавка всегда отпускает в кредит, то это для фабричного люда, не всегда свободно располагающего деньгами и получающего жалованье из конторы только в конце второго месяца, составляет те условия, при которых забор в лавке является как-бы неизбежной необходимостью“ [75]).

Какой доход приносили фабричные лавки фабрикантам, видно из того, что в 1871 г. аренда их поднялась до 4000 руб. серебром в год и по этому поводу было внесено даже одним из гласных Вязниковского уезда (И. Я. Куликовым) заявление в губернское земское собрание. Интересно само это заявление: „душевно сочувствуя труду рабочих фабричных и не менее порицая тех фабрикантов-хозяев, которые извлекают неблаговидно от арендаторов фабричных лавочек излишний процент, ложащийся всею тяжестью на безответный рабочий труд, последствия коего по пословице—„толочь воду на воеводу“, из личных моих наблюдений мне известно, что хозяева-фабриканты довели цену аренды за лавочки до 4000 руб.; такая почтенная цена, без сомнения, отнимается от рабочих рук и надо полагать, что в том же размере благородно пользуется за свои хлопоты и арендатор“ [76]).

Обо всех без исключения обследованных кем-либо фабричных лавках отмечается, что все продукты в них ниже по качеству и значительно дороже обычных рыночных цен. С. А. Харизоменов, обследовавший в начале 80-х годов шелковое производство в губернии, пишет: „все необходимые предметы потребления ткач забирает в счет заработка у фабриканта. За фунт дурно испеченного хлеба платится 4 коп., вместо 2½ коп., за пуд ржаной муки—1 р. 70 к. и 1 р. 80 к., тогда как сам фабрикант покупает муку в г. Покрове по 1 р. 50 к. за пуд. Ткачи называют милостивым того фабриканта, который берет 80 к. барыша на мешок муки“ [77]).

По данным фабричного инспектора Владимирского округа Пескова, цены фабричных лавок губернии превышали вольные на 5—10%,

---

[74]) „Владимирский Земский Сборник“, 1883 г., № 10, стр. 370.

[75]) Там-же, стр. 40.

[76]) „Владимирский Земский Сборник“, 1872 г., № 6, стр. 202.

[77]) „Вестник Владимирского Губернского Земства“, 1888 г., № 17, стр. 824.

но разница доходила и до 30 и даже до 100 проц. (керосин). Просматривая записи одной харчевой лавки, тот-же Песков натолкнулся на странный расход: артель рабочих еженедельно закупала по 1 и даже по 2 ф. перцу. Оказалось, что под именем перца фигурирует водка, при чем продажей ее занимается лавочник, арендующий на фабрике кабак [78]).

Жалобы рабочих на недоброкачественность и дороговизну продуктов в фабричных лавках заставили губернатора Струкова в августе 1875 г. издать специальный циркуляр исправникам, в котором он писал: „при фабриках и заводах существуют для продажи с'естных припасов и других предметов, нужных крестьянам, лавки, из которых хозяева заставляют их обязательно покупать для себя припасы, запрещая покупать оные на базарах, между тем, припасы те часто отпускаются недоброкачественные и гораздо дороже базарных цен. Лавочки эти сдаются хозяевами фабрик и заводов за большие деньги—от 2000 до 4000 руб. в год, что, конечно, и заставляет лавочников надбавлять значительно цены на все предметы их торга. Прошу г. г. исправников при раз'ездах своих по уездам обращать строгое внимание на означенные лавки, справляться о ценах и доброкачественности припасов и иметь наблюдение, чтобы не отпускались припасы гнилые и дороже базарных цен" [79]). Результаты этого циркуляра сказались только в том, что исправникам и прочим полицейским чинам в фабричных лавках разные продукты и предметы потребления стали отпускаться даром или по очень низким ценам, а на цены для рабочих было еще надбавлено.

Недостаточная заработная плата не давала возможности рабочему удовлетворять самые минимальные свои нужды и даже питаться по-человечески. **Продовольствие** в бюджете рабочего, особенно семейного, занимало главное место, поэтому интересно посмотреть, чем же питался рабочий при наличии такого продолжительного рабочего дня и отсутствии самых элементарных технических и санитарных условий на фабрике.

В своей цитированной уже нами работе „Город Иваново-Вознесенск" Я. П. Гарелин пишет: „трудно себе представить, каким образом рабочий может выдерживать ту работу, какая ему предоставляется. Мясо является на столе рабочего только по большим праздникам; в будни и небольшие праздники он ест, что бог послал: пустые щи, кашу, горох, редьку и т. п. незатейливые блюда простонародной кухни. Рабочие на фабриках, где не отпускается приварок (а таких значительное большинство), приходящие из окрестных деревень на целую неделю, запасаются хлебом, которым и продовольствуются от воскресенья до воскресенья; немудрено, что заболеваемость среди рабочих достигает весьма значительной цифры" [80]).

На фабриках Вязниковского уезда, по исследованию С. В. Любимского, пища рабочих состояла преимущественно из картофеля, капусты, каши и хлеба [81]). Относительно продовольствия рабочих на фабрике И. Д. Симанина, во Владимирском уезде, тот-же Любимский пишет: „мясо, по его дороговизне и незначительности заработка рабочего, здесь почти не употребляется; пища простого рабочего состоит из щей, забеленных молоком, хлеба и каши с конопляным маслом" [82]).

---

[78]) М. Балабанов—„Очерки по истории рабочего класса в России", стр. 100, 102.
[79]) Архив канц. Владим. губернатора, 1875 г., д. № 152.
[80]) Я. П. Гарелин—„Город Иваново-Вознесенск", ч. II, стр. 105—106.
[81]) „Владимирский Земский Сборник", 1884 г., № 10, стр. 50, 171.
[82]) „Владимирский Земский Сборник", 1883 г., № 10, стр. 170.

Остановимся теперь немного на **жилищных условиях**, в которых находились рабочие.

В предписании губернатора Владимирскому полицеймейстеру об обследовании фабрики купца Никитина, находившейся в г. Владимире, имеется довольно яркая картина того, в каких жилищных условиях находились рабочие в начале 70-х годов. „До сведения моего дошло,—писал губернатор,— что фабрика Никитина находится в положении не только не соответствующем требованию закона, но крайне небрежно и опасно. На фабрике работает много рабочих, которые там остаются и на ночлег. Помещения для рабочих крайне тесны, грязны и по кубическому содержанию воздуха далеко не соответствуют тому числу рабочих, которое в них помещается, при том в них помещаются мужчины и женщины вместе, что, конечно, не может не быть причиною усиления разврата; наконец, ретирадных мест нет, всюду господствует страшная нечистота, неизбежно могущая производить между рабочими заразу и другие эпидемические болезни". Полицеймейстер, обследовав фабрику, все это подтвердил и добавил, что „в праздничные дни, когда бывают дома рабочие обоих смен, они или вовсе не спят, или спят по-очереди" [83]).

О жилищных условиях рабочих губернии в начале 80-х годов можно судить по материалам санитарного обследования С. В. Любимского. По его сводным таблицам, среднее количество кубического пространства, приходящегося на 1-го человека в общих спальнях для рабочих при фабриках, равнялось 0,78—1,06 куб. саж., а наименьшее— 0,51—0,66 куб. саж. В рабочих каморках положение было еще хуже,— на одной из фабрик Вязниковского уезда (И. И. Сенькова) на одного человека приходилось всего 0,25 куб. саж.

Я. П. Гарелин сообщает, что на Иваново-Вознесенских фабриках встречались помещения рабочих, где на одного человека приходилось от $^1/_3$ до $^1/_{10}$ куб. саж.

Относительно внутренней обстановки жилых помещений для рабочих Любимский пишет, что она „довольно бедная: вдоль стен имеются деревянные нары, но не для всего количества живущих,—большая часть спит на полу, подкладывая под себя рогожи, или носильное платье" [84]). Не лучше было и в каморках семейных рабочих: „общее впечатление,—пишет Любимский,—получаемое при взгляде на эти миниатюрные клетки, в которых теснятся целые семьи, с грудными и разного возраста детьми, тяжелое, безотрадное. Везде по большей части устроены деревянные нары, покрытые каким нибудь тряпьем, весьма сомнительной свежести и чистоты; на немногих было замечено присутствие одеял, подушек. Воздух до крайности спертый, влажный и не чистый. Дневное освещение не вполне достаточное, т. к. свет стесняется присутствием вокруг больших построек, скученных на незначительных пространствах. Стены везде покрыты темными пятнами сырости, грязны и запачканы. В общем вид этих каморок внушал сожаление к их обитателям" [85]).

Охрана рабочих от несчастных случаев на фабриках и заводах губернии в 60-х, 70-х и даже 80-х годах почти отсутствовала, или, в лучшем случае, была в зачаточном состоянии. Губернатор еще в ноябре 1868 г. издал циркуляр о принятии мер предосторожности против несчастных случаев, но циркуляр этот практического значе-

[83]) Архив канц. Владим. губернатора, 1871 г., д. № 109, л. 1—3.
[84]) „Владимирский Земский Сборник", 1883 г., № 10, стр. 167.
[85]) Там-же, стр. 113.

ния не имел и число несчастных случаев из года в год росло, особенно после введения машин. По подсчетам фабричного инспектора Владимирского округа Пескова, на одной из фабрик губернии в течение двух лет (1881—1882) было 325 несчастных случаев с рабочими На фабрике А. Баранова, в Александровском уезде, из каждых 100 ставильщиков 25 ежегодно попадали в машины[86]). На фабрике Лемешенской М-ры, во Владимирском уезде, в течение 1882 г. пользовались больничной и амбулаторной помощью 550 чел. рабочих с травматическими повреждениями (раны, ушибы, переломы, вывихи и т. п.), а ведь рабочий с незначительной болезнью, да еще при сдельной работе, в больницу или амбулаторию обращаться не будет[87]).

Медицинская помощь рабочим на большинстве фабрик губернии, особенно расположенных вдали от городов, также отсутствовала. Из обследованных Любимским 33-х фабрик больницы или приемные покои были только при 15 фабриках, бани—только при 12 фабриках.

При таких условиях особенно тяжело было положение женщины-работницы, лишенной медицинской помощи в период беременности и родов. Любимский в своих материалах отмечает, что почти на всех обследованных им фабриках „особенных льгот для беременных женщин не существует. Обыкновенно последние работают до наступления решительного момента (на Ярцевской фабрике В. Ф. Демидова, в Вязниковском уезде, был даже случай родов в мастерских) и как только позволяют силы после родов вновь начинают работать и обыкновенно из боязни много упустить в работе начинают таковую на второй и третий день после родов“[88]). Этим Любимский вполне правильно об'ясняет большое количество работниц с женскими болезнями, обращающихся в больницы за помощью.

Школы при фабриках были редким исключением, поэтому среди рабочих и особенно работниц процент неграмотных был необычайно высок. По материалам Любимского, среди 5618 опрошенных им рабочих грамотных и полуграмотных было 2299 чел., или 40 проц., а среди 3580 опрошенных работниц—только 178 чел., или 5 проц.; на некоторых фабриках не было ни одной грамотной женщины.

Благодаря всем этим экономическим и правовым условиям, в которых находились рабочие в первые два десятилетия после реформы 1861 г., большинство рабочих скоро делались инвалидами и сходили в могилу в сравнительно еще нестаром возрасте. Рабочий в возрасте свыше 50 лет на фабрике был редким исключением. Вот возраст рабочих на фабриках Владимирского и Ковровского уездов, обследованных С. В. Любимским:

ВОЗРАСТ РАБОЧИХ.	Мужчины.		Женщины.	
	Абс. число	В процент.	Абс. число	В процент.
до 40 лет	3.051	92,29	2.227	96,37
от 40 до 49 лет	192	5,81	70	3,03
от 50 до 59 лет	53	1,60	9	0,39
60 лет и старше	10	0,30	5	0,21

Как видим из таблицы, мужчин на фабриках старше 40 лет остается очень немного,—всего 7,71 проц., женщин еще меньше—3,63 проц.

Развивавшийся промышленный капитализм, вымотав из рабочего всеми способами все силы, преждевременно сводил его в могилу.

[86]) М. Балабанов—„Очерки по истории рабочего класса в России“, стр. 133.
[87]) В 1882 г. на этой фабрике работало всего 698 чел. рабочих.
[88]) „Владимирский Земский Сборник“, 1884 г., № 10, стр. 52.

Стачечное движение.

Стачечное движение в России в 70-х годах прошлого столетия не получило еще достаточно полного отражения в литературе и наши представления о размерах этого движения отстают от той действительности, какая была на самом деле. Из всех известных нам работ по истории рабочего движения 70-х годов наиболее полно перечислены стачки этого периода в статье В. И. Невского в № 4 „Историка-Марксиста“ [89]), но и в этой статье далеко еще не все стачки нашли свое отражение (это признает и сам автор). По Владимирской губернии за период 1870-1880 г. г. В. И. Невский перечисляет всего 6 стачек, при чем две из них (в Орехово-Зуеве в 1871 г. и в Александрове в 1874 г.) почти неизвестны ни в литературе [90]), ни самому автору. За этот же период нам удалось разыскать во Владимирских архивах сведения о 17 стачках, 13 из которых совершенно не упоминаются в статье В. И. Невского. Если предположить, что по другим губерниям сведения о стачках т. Невским собраны более полно, то и в этом случае общий размах стачечного движения в 70-х годах будет значительно обширнее.

В предыдущей главе мы видели, что положение рабочих губернии в 70-х годах было таково, что не бастовать они не могли. Если в 60-х годах стачка была еще довольно редким явлением, то с начала 70-х годов она входит, если можно так выразиться, в обиход рабочей жизни. Фабричная администрация так нажимала пресс эксплоатации, так старалась использовать долготерпение рабочих, что рабочие наконец не выдерживали и принимались действовать: они бросали работы, останавливали машины и пред'являли свои требования предпринимателю. Большинство этих стачек возникало стихийно, как протест против того угнетенного и бесправного положения, в котором находились рабочие. К стачке толкало рабочих и бессилие административной власти, все попытки которой ослабить произвол фабричной администрации не приводили ни к каким результатам. В подавляющем большинстве случаев иски рабочих в суде к фабрикантам признавались „недостаточно обоснованными“,—фабрикант почти всегда оказывался прав. „И там,—по определению М. Н. Покровского,—где был бессилен буржуазный суд, там решала дело стачка“ [91]).

Перейдем к рассмотрению стачек, происходивших на территории губернии в период 1870-1880 г. г.

В 1870 г. в губернии была одна стачка—на ситце-набивной фабрике купца Захарова в с. Тейкове, Шуйского уезда. На этой фабрике работало 146 чел. рабочих, из которых было 78 набойщиков, а осталь-

---

[89]) В. Невский—„К вопросу о рабочем движении в 70-е годы“ (журнал „Историк-Марксист“, том IV, 1927 г., стр. 125-178).

[90]) Если не считать туманной фразы о волнениях в Орехове-Зуеве в 1871 г. в статье Л. Мартова—„Развитие крупной промышленности и рабочее движение до 1892 г.“ („История России в XIX в.“, изд. Граната, том VI, стр. 121).

[91]) М. Покровский—„Русская история в самом сжатом очерке“, ч. I и II, стр. 174.

ные—чернорабочие. Набойщики работали сдельно, получая от 5½ до 28 коп. с куска миткаля, смотря по краске; заработок чернорабочих колебался от 3 р. 50 к. до 8 р. в месяц.

После нового осеннего найма на фабрику, набойщики стали замечать, что длина кусков миткаля начинает увеличиваться. Если раньше в куске было 55-65 аршин, то теперь стало 70-75 арш., что, естественно, стало уменьшать и заработок рабочих. 4 (16) ноября 1870 г. набойщики пришли к фабриканту и потребовали увеличения расценков, ссылаясь на увеличившуюся длину кусков миткаля, на дороговизну жизни и на сделанную уже прибавку набойщикам на соседней фабрике Каретникова. Захаров, выслушав просьбу рабочих, согласился увеличить расценки от 1 до 3-х коп. на кусок, но такая прибавка рабочих не удовлетворила, а когда Захаров отказался от дальнейших уступок требованиям рабочих, последние бросили работу и разошлись по домам.

На следующий день на фабрику был вызван пристав, который и вступил в об'яснения с рабочими. На его уговоры—согласиться на сделанную хозяином прибавку и возобновить работу—рабочие ответили решительным отказом, заявляя, что требование их законно и должно быть удовлетворено полностью. Видя неудачу своих уговоров, пристав стал грозить рабочим судом и хотел приступить к составлению протокола о стачке, но это окончательно вывело рабочих из терпения и они ушли из фабричной конторы. Несмотря на пятикратное приглашение их через полицейских служителей возвратиться в контору и продолжать переговоры, рабочие ответили отказом и к вечеру разошлись по домам.

Стачка продолжалась 3½ дня. Фабрикант, видя поддержку со стороны полиции, на дальнейшие уступки не пошел и рабочие вынуждены были 8 (20) ноября прекратить стачку, добившись предварительно от хозяина обещания не увольнять с фабрики двух рабочих, которые от имени стачечников вели с ним и с полицией переговоры [92]).

Эта первая стачка 70-х годов не является уже неорганизованным волнением или бунтом рабочих, какие были раньше и какие встречались иногда на некоторых отсталых фабриках после. Здесь рабочие уже знают, чего они хотят, твердо стоят на своих требованиях, не соглашаются на частичную уступку, выдвигают из своей среды для переговоров с полицией и хозяином двух товарищей и кончают стачку только тогда, когда надежды на дальнейшие уступки со стороны фабриканта не стало и когда последний дал обещание никого не преследовать за участие в стачке.

В 1871 г. в губернии была также только одна стачка—на бумагопрядильной фабрике бр. С., М. и Ф. Гарелиных в г. Иваново-Вознесенске. Эта стачка интересна тем, что в ней участвовали одни подростки и малолетние, заработок которых на фабрике был очень низкий [93]). 27-го июня (9 июля) 32 чел. малолетних и подростков прекратили работы и потребовали увеличения заработной платы. Приехавший на следующий день на фабрику Шуйский исправник вызвал к себе стачечников и потребовал, чтобы они немедленно встали на работу, грозя в противном случае вызвать их родителей „для примерного наказания забастовщиков". Не поддержанные в своих требованиях

---

[92]) Архив канц. Влад. губернатора, 1870 г., д. № 38.

[93]) Заработная плата на этой фабрике вообще была очень низкой: прядильщик на своих харчах получал от 6 р. 60 к. до 9 р. 45 к. в месяц, ставильщик—от 3 р. 50 к. до 4 р. 60 к. в месяц.

взрослыми рабочими, подростки и малолетние после этих угроз исправника возобновили работу, не добившись удовлетворения своих требований.

Донося об этой стачке губернатору, исправник писал, что „подростки действовали по наущению старших, в виде пробы: что будет, как пойдет дело". Одновременно исправник в своем донесении должен был признать „весьма грустное положение малолетних на фабрике", находящихся без всякого присмотра, подверженных беспощадной эксплоатации со стороны фабричной администрации, получающих такую низкую заработную плату, которой едва хватало на одни харчи.

После этой стачки за рабочими фабрики бр. Гарелиных по распоряжению губернатора был установлен секретный надзор полиции[94]).

В 1872 г. в губернии были две стачки—обе на бумаго-прядильной и ткацкой фабрике С. Морозова сын и К° в Орехово-Зуеве.

На этой фабрике работа под праздники кончалась обычно в 6 часов утра в самый день праздника. 27 мая (8 июня) очередная смена рабочих отказалась в 6 ч. вечера встать на работу (этот день приходился на субботу) и потребовала вообще окончания работ под праздники не утром в самый день праздника, а накануне вечером. Уговоры фабричной администрации и полицейского надзирателя ни к чему не привели,—рабочие категорически отказались работать.

Так как с понедельника 29 мая (10 июня) рабочие в обычное время встали на работу, то Покровский исправник сообщил губернатору, что „происшествие это по характеру своему не может назваться стачкою рабочих и поэтому оставлено без последствий"[95]).

Через месяц такая же история вновь повторилась на этой фабрике. 28 июня (10 июля) рабочие отказались работать вечернюю смену, т. к. этот день приходился под праздник („Петров день"), и потребовали от фабричной администрации „на будущее время не назначать их работать на праздники". Явившегося на фабрику для расследования этого случая Покровского исправника фабричная администрация сама просила не считать это происшествие стачкой, т. к. она пред'явила к рабочим иск о неисполнении договора о найме и поэтому в случае признания отказа рабочих работать под праздник стачкой, дело разрешилось бы административным порядком и тогда на удовлетворение иска надежды было бы мало[96]).

Из архивных материалов трудно установить, имели ли какое-нибудь влияние эти две стачки на сокращение рабочего дня под праздники, но, вероятно, пред'явление фабричной администрацией иска повлияло на рабочих и они, по донесению исправника, под „казанскую" работали без протестов до 6 ч. утра.

За 1873, 1874 и 1875 г. г. нам не удалось в местных архивах найти материалов о каком либо проявлении стачечной борьбы рабочих в губернии. В. И. Невский в своем перечне стачек 70-х годов приводит стачку 4248 чел. рабочих на фабрике Баранова в г. Александрове, происходившую в июне 1874 года[97]). Судя по количеству рабочих, имеется в виду, вероятно, фабрика Барановых в с. Карабанове, т. к. в самом г. Александрове такой крупной фабрики не было, а Струнинская фабрика А. И. Баранова была открыта только в 1874 г. и на

[94]) Архив канц. Владим. губернатора, 1871 г., д. № 130.

[95]) Архив канц. Владим. губернатора, 1872 г., д. № 107.

[96]) Архив канц. Влад. губернатора, 1872 г., д. № 111.

[97]) „Историк-Марксист", т. IV, стр. 138 и 163. В таблице на стр. 63 г. Александров ошибочно причислен к Покровскому уезду.

ней в это время такого большого количества рабочих не было. Несмотря на тщательные розыски, во Владимирских архивах никаких следов этой стачки нам найти не удалось, да и сам т. Невский в своей статье отмечает, что об этой стачке „нам почти ничего не известно".

В 1876 г. в губернии было две стачки, одна из которых (на фабрике Т-ва Никольской М-ры С. Морозова сын и К° в Орехове-Зуеве) была довольно крупной и вошла почти во все издания по истории рабочего движения в России.

Морозовские фабрики в губернии вообще славились тяжелыми условиями работы и сложной системой эксплоатации, которой подвергались на них рабочие. Особенно велики были всевозможные штрафы и вычеты. Владимирский губернатор сообщал министру внутренних дел, что на Морозовской фабрике „штрафы за порчу изделий чрезвычайно многочисленны и различны по размеру, так, например: за спущенные с'емки с трех веретен, за допущенную из ровницы черную нитку в початок, за помарку початков и за всякий недосмотр порчи тех машин, на которых рабочие работают,—штраф взыскивается от 25 до 50 коп.; за пьянство—1 руб., за прогульные дни—по 1-2 руб., смотря по количеству получаемого жалованья; удерживается также у каждого рабочего из жалованья по 40 к. за освещение казарм и от 10 до 30 к. на какие-то пожертвования" [98]).

В феврале 1876 г. рабочим было об'явлено, что на фабрике вводится новый штраф—за мятые початки, в размере 25-50 коп. за каждые два фунта, смотря по качеству пряжи. Рабочие остались недовольны установлением такого незаконного штрафа за месяц до окончания срока найма и заявили фабричной администрации, что они „этому штрафу не подчинятся". Несмотря на это заявление, при выдаче заработной платы 29 февраля (12 марта) за январь месяц фабричная контора удержала с некоторых рабочих новый штраф, не записанный даже в расчетные книжки. Возмущенные таким поступком администрации, все рабочие-прядильщики в количестве 540 чел. вышли из корпуса и заявили директору, что не встанут на работу до тех пор, пока не будет отменен новый штраф и пока на фабрике не вывесят табель с точным указанием штрафов за каждую порчу товара.

По получении сообщения о стачке, губернатор послал на фабрику Морозова чиновника особых поручений Оссовского, которому предложил добиться соглашения между фабрикантом и рабочими. Оссовский и приехавший к этому времени в Орехово один из владельцев фабрики Т. С. Морозов начали убеждать рабочих возобновить работу, но рабочие, по словам корреспондента „Русских Ведомостей",—„отвечали на эти слова глухим ропотом, некоторые же требовали увольнения одного приказчика и представили 11 рабочих книжек, по которым было заплачено до 300 руб. штрафа" [99]). Прядильщиков при об'яснении с Морозовым поддержали ткачи, которые тоже заявили, что если штрафы не будут уменьшены, то и они оставят работу на фабрике. Морозов отменить штраф за мятые початки отказался и предложил рабочим или возобновить работы, или получить расчет. 5 (17) марта большинство рабочих (359 из 540) пожелали получить расчет, а остальные согласились работать на старых условиях, заручившись предварительно от Морозова обещанием не вы-

[98]). Архив канц. Влад. губернатора, 1876 г., д. № 223, л. 9.

[99]). „Русские Ведомости", 1876 г., № 61.

БИБЛИОТЕК
ИН-ТУТ МАРКСИЗМ

читать с них за прогульные дни во время стачки. Из получивших расчет 325 чел. вновь нанялись на фабрику, а 34 чел. были не приняты фабричной конторой „по неблагонадежности“ [100]).

В донесении о стачке министру внутренних дел губернатор писал, что „событие это оказалось вовсе не имеющим того характера стачки рабочих, которая предусматривается законом, т. к. рабочие на Никольской фабрике обнаружили намерение оставить работы прежде истечения условного срока найма не для того, чтобы вынудить хозяина фабрики к возвышению получаемой ими заработной платы, а были вынуждены к тому произвольным со стороны мануфактуры удержанием у них заработной договорной платы“. С этим взглядом губернатора министр согласился и поэтому никто из рабочих к ответственности за стачку в административном порядке привлечен не был [101]).

В том же 1876 г. произошла стачка рабочих на механическом чугунно-литейном заводе Д. П. Шипова в гор. Иваново-Вознесенске. Поводом к стачке послужило то обстоятельство, что в назначенный день администрация завода не выдала рабочим заработную плату и рабочие в количестве 200 чел. 21 июня (3 июля) прекратили работы и заявили прибывшему на завод полицеймейстеру, что до полного расчета их за прошлое время они работать не будут. Полицеймейстер стал убеждать рабочих возобновить работу, дал при них телеграмму в Москву владельцу завода о немедленной присылке денег и обязал заводскую контору занять нужную сумму для расплаты с рабочими у кого-нибудь в Иванове, если в течение двух дней деньги из Москвы Шиповым присланы не будут. Рабочие согласились подождать еще два дня и возобновили работы. По сообщению полицеймейстера губернатору, заработная плата рабочим на следующий день была выдана [102]).

В 1877 г. произошла стачка на фабрике Шорыгина и Треумова в Ковровском уезде. 21 мая (2 июня) около 1000 чел. рабочих на этой фабрике прекратили работы и потребовали увеличения заработной платы. Приехавшему на фабрику Ковровскому исправнику рабочие об'яснили, что „не столько уменьшение платы заставило их прекратить работу, сколько черезчур большие штрафы, которые хозяева накладывают на них за прогулы, за опоздание на работы и за не совсем чисто отделанный товар“. Исправник пытался было уговорить рабочих возобновить работы на старых условиях, но получил решительный отказ. Видя настойчивость рабочих, фабричная администрация согласилась повысить расценки и не вычитать с рабочих за дни стачки, после чего 24 мая (5 июня) рабочие возобновили работы.

За активное участие в стачке 6 чел. рабочих были уволены с фабрики и посажены исправником под арест [103]).

---

[100]) Архив канц. Влад. губернатора, 1876 г., д. № 223.

[101]) Наиболее подробное описание стачки имеется в „Очерках по истории рабочего класса в России“ М. Балабанова, ч. II, стр. 177-178; А. Ельницкий в „Рабочем движении в России“ (изд-во „Пролетарий“, 1925 г., стр. 117) дает совершенно неправильные сообщения о стачке; в статье В. Невского в № 4 „Историка-Марксиста“ (стр. 143) неправильно сообщение о том, что на фабрику во время стачки приезжал губернатор и что стачка продолжалась всего с 1 по 2 марта; в брошюре „На баррикадах революции“ (изд. октябрьской юбилейной комиссии при Орехово-Зуевском уисполкоме, 1927 г., стр. 9) приводятся фамилии рабочих—„подстрекателей“ к стачке.

[102]) Архив канц. Влад. губернатора, 1876 г., д. № 187.

[103]) Архив канц. Влад. губернатора, 1877 г., д. № 185.

С 1878 г. стачечное движение в губернии начинает принимать более широкие размеры, попрежнему захватывая, главным образом, предприятия хлопчато-бумажной промышленности.

Первая стачка в этом году произошла на торфяном болоте купца Аносова близ ст. Болдино, Московско-Нижегор. ж. д. (во Владимирском уезде), где работала артель рабочих Калужской губернии в числе 107 мужчин и 60 женщин. Когда рабочих нанимали на работу по добыче торфа, то обещали им очень выгодные условия: 1 р. 65 к. за тысячу кирпичей. Так как каждый рабочий (кроме женщин) добывал в день в среднем тысячу кирпичей, то заработок должен был быть большим—около 30-35 руб. в месяц. Рабочие не учли одного, что в ненастные дни им работать на болоте не позволят, а поэтому в результате и получилось, что за первые полтора месяца им зачли всего 12 рабочих дней и они фактически не только ничего не заработали, но остались в большом долгу у хозяина за задатки на дорогу, за прописку паспортов и за харчи. Кроме этого, харчи, доставляемые Аносовым для рабочих, оказались настолько плохими, что рабочие стали нездоровы и не способны к работе. Когда Владимирский уездный исправник Кривошея вместе с уездным врачем Толпегиным осматривали пищу рабочих, то обнаружили, что вода была недоброкачественная, капуста испорченая, а говяжья солонина уже разлагалась. По сообщению исправника губернатору, рабочие „чувствовали слабость сил и боль в желудках". Не вынеся таких условий работы, рабочие 6 (18) июня бросили работы и потребовали расчета и выдачи паспортов, но хозяин им в этом отказал, настаивая на отработке задатков и уплате за харчи. Рабочие передали дело в суд, а сами хотя и находились на болоте, но не работали. Суд решил дело в пользу рабочих и все они 19 июня (1 июля) получили паспорта и разошлись по домам [104]).

В первой главе мы говорили уже о том, что хлопчато-бумажная промышленность в средине 70-х годов переживала острый кризис. Характеризуя этот кризис в докладе министру внутренних дел, губернатор в июле 1878 г. писал: „продолжительная неопределенность политического положения, предшествовавшая об'явлению последней войны, весьма неблагоприятно отразилась на местной промышленности. В особенности пострадало хлопчато-бумажное дело. В ноябре 1876 г. все почти фабриканты были вынуждены сократить производство. Некоторые привели это в исполнение путем сокращения числа рабочих, некоторые—уменьшением заработной платы" [105]). Сокращение заработной платы на хлопчато-бумажных фабриках (почти везде на 10 проц.) особых протестов со стороны рабочих не встретило. Учитывая временное затруднение в сбыте готовых товаров, рабочие соглашались на очень чувствительную для них жертву, лишь бы не допустить остановки фабрик или большого сокращения на них рабочих. Но вот кризис прошел; спрос на хлопчато-бумажные товары опять поднялся; фабриканты скоро разгрузили свои склады, продав по высоким ценам скопившуюся продукцию; все потери за время кризиса возвратились фабрикантам с большим излишком. Естественно поэтому было ожидать, что и положение рабочих должно улучшиться. Но этого на самом деле не последовало. Несмотря на оживление в промышленности, фабриканты не повысили заработную плату рабочим даже до того уровня, какой был до кризиса, т. е. не возвратили

[104]) Архив канц. Влад. губернатора, 1878 г., д. № 22.

[105]) Архив канц. Влад. губернатора, 1878 г., д. № 228, 1 л. 13.

даже тех 10 проц., которые при молчаливом согласии рабочих были у них урезаны для того, чтобы фабриканты легче могли перенести кризис.

Такое положение, естественно, должно было вызвать возмущение рабочих и толкнуть их на активное выступление за повышение заработной платы. Начиная с половины 1878 г. и на протяжении всего 1879 г. по губернии прокатывается волна стачек, в результате которых на большинстве предприятий рабочим удается добиться увеличения расценков.

Первыми начали борьбу рабочие бумаго-прядильной фабрики купца Каретникова в с. Тейкове, Шуйского уезда. На этой фабрике, как и на других, в конце 1876 г. произошло снижение заработной платы на 10 проц. Когда к началу 1878 г. дела фабриканта поправились, рабочие стали требовать установления прежних расценков, но фабрикант под разными предлогами от этого уклонялся. Около 20 чисел июня к Каретникову приходили с просьбой о прибавке присучальщики, но он отделался тогда от них излюбленным приемом фабрикантов—дал 10 руб. „на водку" и считал вопрос улаженным. Такая же участь постигла и все другие разрозненные попытки отдельных категорий рабочих добиться увеличения заработной платы.

Видя неуспех своих попыток заставить фабриканта добровольно поднять заработную плату, рабочие об'явили стачку. Вечером 23 июня (5 июля) бросили работы 150 чел. присучальщиков, а утром 24 июля (6 июля) встала вся фабрика, на которой работало около 3000 рабочих.

Получив донесение о начавшейся стачке, в Тейково приехали Шуйский исправник и начальник губернского жандармского управления Беловодский, которые стали уговаривать рабочих встать на работу и после этого начать переговоры с хозяином. Рабочие отказались.

25 июня (7 июля) все рабочие отправились на дачу в м. Оболсуново к Каретникову и заставили его согласиться повысить заработную плату до тех размеров, какой она была в 1876 году. Основная цель рабочих была достигнута и они решили с 26 июня (8 июля) возобновить работы.

К 4 часам утра 26 июня (8 июля) все рабочие явились на фабрику и, за исключением присучальщиков, начали работу. Присучальщики возобновить работу отказались, требуя повышения расценков не по 1 октября, как это было написано в вывешенных конторой об'явлениях, а по пасху 1879 года. Узнав о требованиях присучальщиков, через полчаса после начала работ вновь остановилась вся фабрика. Рабочие послали своих представителей об'явить Каретникову, что они тогда только прекратят стачку, когда на фабрике будет вывешено об'явление „за его собственноручной подписью" о том, что прибавка к заработной плате распространяется на время до пасхи 1879 г., что прогульные дни за время стачки рабочим будут оплачены и что за участие в стачке никто из рабочих не пострадает. Переговоры с хозяином продолжались почти два дня, и только тогда, когда Каретников согласился удовлетворить и эти требования рабочих, стачка прекратилась и рабочие с 6 часов вечера 27 июня (9 июля) возобновили работы.

За участие в стачке никто из рабочих не пострадал. Губернатор, ознакомившись с материалами о положении рабочих на фа-

брике, должен был признать их требования справедливыми и поэтому предложил прокурору прекратить начатое было уже дело о стачке [106]).

Эта стачка по числу принимавших в ней участие рабочих и по своим результатам была первой крупной стачкой во Владимирской губернии, окончившейся целиком в пользу рабочих. Значение этой стачки для рабочих Иваново-Шуйского района было очень большое: на опыте ее они убедились, что дружным выступлением против капиталистов можно добиться многого [107]).

В том же 1878 г. произошла небольшая стачка на механическом чугунно-литейном заводе Д. П. Шипова в г. Иваново-Вознесенске. На этом заводе на рабочих за прогульные дни были наложены очень большие штрафы, в результате чего 15 (27) июля 17 чел. рабочих литейного отделения прекратили работы и потребовали отмены этих штрафов. Вмешательство полиции в этот конфликт ни к чему не привело и управляющий заводом Пономарев вынужден был согласиться удовлетворить требование рабочих. 18 (30) июля стачка на заводе прекратилась [108]).

В 1879 г. в губернии было уже 5 стачек, в которых принимали участие до 3000 чел. рабочих.

16 (28) апреля на ситце-набивной фабрике С. М. Посылина в г. Шуе 75 чел. рабочих прекратили работы, требуя увеличения расценков почти на все сорта вырабатываемого на фабрике товара. Фабричная администрация после начала стачки распорядилась прежде всего уволить с фабрики двух рабочих—Коноплева и Рассадина, как „подстрекателей". Узнав об этом, рабочие собрались во дворе фабрики и написали заявление администрации о том, что до отмены распоряжения об увольнении Коноплева и Рассадина они не будут вести никаких переговоров о прекращении стачки. Приехавший на фабрику исправник стал уговаривать рабочих возобновить работу и подождать со своими требованиями об увеличении расценков до возвращения из-за границы хозяина. Получив обещание фабричной администрации, что Коноплев и Рассадин с фабрики не будут уволены и что некоторые недостатки в производстве (главным образом, плохая краска), влияющие на заработок, будут устранены,—рабочие 17 (29) апреля прекратили стачку [109]).

22 апреля (4 мая) на бумаго-прядильной фабрике бр. Щербаковых в с. Кохма, Шуйского уезда, 92 чел. рабочих потребовали отмены вечерней смены под праздники. Когда фабричная администрация отказалась удовлетворить это требование, рабочие решили осуществить его явочным порядком и в этот день, приходившийся под праздник, на работу не явились. После праздника рабочие вновь потребовали от фабричной администрации, чтобы работа на фабрике в ночь под воскресные и праздничные дни не производилась, а также и не начиналась бы с вечера в праздничные дни. Вызванный на фабрику пристав предложил рабочим или подчиниться существующим правилам без всякого их изменения „до более лучшего времени", или получить расчет. Рабочие вынуждены были после этого отказаться от

---

[106]) Архив канц. Владим. губернатора, 1878 г., д. № 228.

[107]) Описание этой стачки в печати появляется впервые; о ней только коротко упоминает в своей статье в „Историке-Марксисте" В. И. Невский (стр. 147 и 168).

[108]) Архив канц. Влад. губернатора, 1878 г., д. № 237.

[109]) Архив канц. Влад. губернатора, 1879 г., д. № 105.

своих требований и работа на фабрике стала продолжаться на старых условиях [110]).

Крупная стачка в том же году произошла в г. Иваново-Вознесенске на миткалево-ткацкой фабрике А. Зубкова. Положение рабочих на этой фабрике было хуже, чем на остальных фабриках Иваново-Вознесенска. Заработная плата ткача на фабрике Зубкова не превышала 12 р. в месяц, тогда как на других фабриках ткач зарабатывал около 13-14 рублей. Система эксплоатации рабочих у Зубкова была более „усовершенствованной" по сравнению с другими фабриками.

В 1879 г. на фабрике, перешедшей в апреле этого года к новым владельцам—Новикову, Фокину, Витовым и жене А. Зубкова, было свыше 700 чел. рабочих. Разговоры среди рабочих о необходимости требования о повышении заработной платы велись с начала 1879 г., но практически они пока ни к чему не приводили. С переходом фабрики к новым владельцам, рабочие стали в одиночку и группами являться в фабричную контору и требовать прибавки. Видя, что требования рабочих становятся все настойчивее и настойчивее, фабричная администрация вынуждена была пойти на уступки и 7 (19) июня отдала распоряжение о повышении расценков на фабрике в размере 8 проц. на заработный рубль.

Об'явление о прибавке сообщено было утренней смене рабочих. По окончании первой смены рабочие за воротами фабрики задержали своих товарищей из второй смены и стали сообща обсуждать вопрос о прибавке. Прибавка никого не удовлетворяла, т. к. заработная плата на фабрике и после прибавки оставалась все же более низкой, чем на других фабриках Иваново-Вознесенска. Рабочие решили добиваться увеличения прибавки до 10 проц. на заработный рубль и заявили об этом заведующему фабрикой Рябчикову. Рябчиков не мог самостоятельно решить этот вопрос и послал за владельцами фабрики. Рабочие остались ждать у ворот.

В то время, пока ходили за хозяевами, на фабрику явился в нетрезвом виде ее бывший владелец А. Зубков и вступил с рабочими в разговор. Узнав о цели их ожидания, Зубков стал уговаривать рабочих отказаться от своего требования, а когда рабочие ответили ему на это отказом, заявил: „если мы вам и сделаем прибавку до покрова, то зимой на вас наездимся" [111]).

Заявление Зубкова, большого специалиста по части эксплоатации рабочих, заставило последних призадуматься. Дело в том, что фабричная администрация об'явила прибавку только по 1-е октября, когда кончался срок найма. Рабочие понимали, что в октябре нельзя будет расчитывать на то, чтобы фабриканты не снизили заработную плату на зимнее время, а бороться с ними тогда будет труднее, т. к. с окончанием полевых работ из деревни явится много людей, готовых предложить свой труд на зимнее время почти за любую плату, предложенную фабрикантами. Заявление Зубкова не было поэтому для рабочих пустыми словами пьяного человека, а вскрывало истинные намерения фабрикантов. Посоветовавшись между собой, рабочие решили 10-процентную прибавку требовать не по 1 октября, а по пасху 1880 г., т. е. продолжить ее и на зимний период найма.

---

[110]) Архив канц. Влад. губернатора, 1879 г., д. № 111.

[111]) По донесению начальника губ. жанд. управления губернатору, Зубков выразился еще определеннее: „теперь держитесь, после 1 октября из вас выжмут сок, а то поставят и двухколесную пушку" (Архив секр. части канц. Влад. губернатора, 1879 г., д. № 35, л. 14 и 17).

Узнав о новом решении рабочих, Зубков сообразил, что наговорил лишнего, и немедленно послал за полицеймейстером, который и явился на фабрику. Полицеймейстеру рабочие об'яснили причину отказа их от работ и заявили, что до полного удовлетворения их требований они работать не будут.

Приехавшие на фабрику ее владельцы, видя возбужденное состояние рабочих, сразу согласились удовлетворить их первоначальное требование об увеличении прибавки до 10 проц., но только по 1 октября 1879 года; рабочие настаивали на своем и требовали прибавку по пасху 1880 года. Соглашение не состоялось и рабочие разошлись по домам.

8 (20) июня на фабрику приехал начальник губ. жанд. управления Беловодский, заставший дело в том же положении, как оно было и накануне. Рабочие настойчиво требовали прибавку по пасху 1880 г., ссылаясь на угрозы Зубкова, фабриканты на это не соглашались. Уговоры Беловодского—удовлетвориться уступкой фабрикантов о прибавке по 1 октября 10 проц.—на рабочих не подействовали, как не подействовало и его сообщение о том, что фабриканты согласны по его просьбе сверх 10 проц. накинуть еще 2 проц. на заработный рубль.

Рабочие стачку не прекращали.

Тогда Беловодский посоветовал фабрикантам выдать рабочим расчет, на что фабриканты охотно согласились. 9 (21) июня всем рабочим был выдан расчет, а 11 (23) июня начался новый набор рабочих на фабрику. Из работавших до стачки 720 чел. рабочих вновь нанялись 540 чел., а остальные ушли на другие фабрики.

К ответственности за участие в стачке были привлечены 8 человек рабочих; все они были отданы под суд, за что губернатор получил от департамента полиции замечание, т. к. по циркуляру министра внутренних дел от 6 июня 1870 г. „зачинщики стачек" должны были высылаться в административном порядке, „не допуская дела до судебного разбирательства" [112]).

Стачка на фабрике Зубкова имела большое значение для всех рабочих Иваново-Вознесенска. По сообщению начальника губ. жанд. управления губернатору, — „ввиду возможности подобных беспорядков и на других фабриках, почти все фабриканты прибавили рабочим по 10 коп. на рубль по 1 октября 1879 года" [113]).

Но и эта прибавка не удовлетворила на некоторых фабриках рабочих. 15 (27) июня на бумаго-прядильной фабрике бр. С., М. и Ф. Гарелиных 109 чел. рабочих, работавших на банкаброшах, прекратили работу и потребовали увеличения заработной платы. Так как с прекращением работы этой категории рабочих через день должна была остановиться и вся фабрика, на которой было около 1500 рабочих, то фабричная администрация и полиция приняли энергичные меры к прекращению стачки. Рабочим и работницам,

---

[112]) Архив секр. части канц. Влад. губернатора, 1879 г., д. № 35. О стачке см. в следующих изданиях: 1) М. Балабанов—„Очерки по истории рабочего класса в России", ч. II, стр. 179; 2) А. Ельницкий—„Рабочее движение в России", стр. 137 (стачка неправильно отнесена к июлю 1879 г.); 3) В. Невский—статья в № 4 „Историка-Марксиста", стр. 148; 4) П. Экземплярский—„Очерки по истории рабочего движения в Иваново-Вознесенске", вып. I, „Основа", 1924 г., стр. 14; 5) Б. В. Златоустовский—„Стачечное движение в Иваново-Вознесенском фабричном районе. 1905-1916 г.г.", Иваново-Вознесенск, Истпроф ГСПС, 1928 г., стр. 8; 6) Б. П. Козьмин—„Рабочее движение в России до революции 1905 г.", изд-во ВЦСПС, Москва, 1925 г., стр. 39.

[113]) Архив секр. части канц. Влад. губернатора, 1879 г., д. № 35, л. 15.

прекратившим работы, пообещали в скором времени пересмотреть и повысить расценки. Рабочие согласились подождать еще некоторое время и 16 (28) июня прекратили стачку. Любопытно отметить, что за „подстрекательство“ к этой стачке под суд была отдана только одна работница-крестьянка дер. Травниной, Ковровского уезда, Елизавета Евграфова [114]).

Последней стачкой в 1879 г. в губернии была крупная стачка на фабрике т-ва Собинской м-ры Лосевых и К°, находившейся близ села Ундол, Владимирского уезда. На фабрике с 1 октября были понижены расценки с 31 до 29 коп. на кусок, вследствие чего 2000 чел. рабочих 5 (17) октября бросили работу и потребовали увеличения расценков до 36 коп. на кусок, т. е. на 5 копеек выше летних цен. Фабричная администрация отказалась удовлетворить требования рабочих и последние решили поэтому бороться до последней возможности. Чтобы не допустить со стороны наименее устойчивых своих товарищей преждевременного прекращения стачки, рабочие решили с каждого собрать по одной верхней одежде и сложить ее в отдельную комнату, к которой поставить свою охрану. Взаимный уговор при этом был такой: если кто раньше времени встанет на работу, то одежда его остается в пользу тех, кто будет продолжать стачку. Все рабочие охотно подчинились этому взаимному „страхованию“ и нанесли такое большое количество верхней одежды, что для нее пришлось занять несколько рабочих каморок.

По получении извещения о стачке, на фабрику приехал Владимирский уездный исправник Кривошея; из окрестностей были стянуты все пристава, урядники, сотские и десятские. Несмотря на увещания полиции, рабочие стачку не прекращали и требовали — или повысить расценки, или выдать расчет. Владелец фабрики Лосев выдать рабочим расчет соглашался, но с удержанием с каждого из них 6-недельного заработка, как об этом говорилось в условиях найма. Рабочие при таких условиях получить расчет отказывались.

Видя, что никакие уговоры на рабочих не действуют, исправник издал приказ о возобновлении работ на фабрике 8 (20) октября, но и этому приказу большинство рабочих не подчинились. После свистка на фабрику явилось только около сотни ткачей и прядильщиков, которых пришлось поэтому отослать обратно.

Чтобы прекратить скорее стачку, Лосев согласился наконец выдать рабочим расчет без удержания штрафа и на фабрике об этом было вывешено соответствующее об'явление; одновременно было вывешено и об'явление о новом найме. Часть рабочих пошла за расчетом, большая же часть осталась работать на фабрике по летним расценкам, т. к. фабричная администрация согласилась отменить свое распоряжение о снижении расценков с 1-го октября.

9 (21) октября работы на фабрике возобновились.

За участие в стачке около 30 чел. рабочих были уволены с фабрики и направлены к месту жительства под надзор селенных старост. Исправник составил было на всех уволенных рабочих протоколы для отдачи их под суд, но получил распоряжение губернатора о прекращении дела о стачке, возвращении рабочим паспортов и снятии с них надзора селенных старост [115]).

---

[114]) Архив канц. Влад. губернатора, 1879 г., д. № 72.

[115]) Архив канц. Влад. губернатора, 1879 г., д. № 20. Подробнее о стачке см. в журнале Владимирского Губплана „Наше Хозяйство“, 1927 г., № 3, стр. 75-79.

В 1880 г. в губернии были только две стачки. Первая стачка произошла на торфяном болоте купца Л. О. Гальперина, в Покровском уезде, где 10 (22) июня 94 чел. рабочих—торфяников прекратили работы и потребовали увеличения заработной платы, устройства крыши над помещением, где рабочие принимали пищу, и прекращения грубого обращения с ними хозяина. Полиции удалось уговорить рабочих возобновить 12 (24) июня работы и передать дело об их взаимоотношениях с хозяином мировому судье [116]).

О второй стачке у нас имеются очень скудные сведения, почерпнутые из донесения старшего фабричного инспектора Владимирской губернии департаменту торговли и мануфактур в 1895 году. По словам этого донесения, на бумаго-ткацкой и прядильной фабрике купца Каретникова в с. Тейкове, Шуйского уезда, в 1880 г. 3000 чел. рабочих, недовольных строгими порядками, введенными вновь назначенным на фабрику директором англичанином Крошо [117]), об'явили стачку. Стачка продолжалась около недели и окончилась поражением рабочих. За участие в стачке было уволено с фабрики около 200 чел. рабочих [118]).

Переходя к общим итогам стачечного движения в губернии в 70-х годах прошлого столетия, мы прежде всего должны сделать тот вывод, что и по числу стачек, и по числу бастовавших рабочих, и по своему характеру стачечное движение этого периода было далеко не таким, каким мы его до последнего времени себе представляли. Почти во всех исследовательских работах о рабочем движении (по отдельным районам бывшей Владимирской губернии) период 70-х годов остается пустым местом. Даже в специальной работе Б. В. Златоустовского о стачках в Иваново-Вознесенском районе, вышедшей в 1928 году, первой в этом районе считается стачка на фабрике А. Зубкова в 1879 году. То же самое в работах П. Экземплярского, В. Смирнова (Малков), Пронина и др.

Что мы видим на самом деле? Начиная с робких попыток в первые годы десятилетия, стачечное движение к концу десятилетия принимает значительные размеры, охватывает крупные фабрики с тысячами рабочих, втягивает в борьбу новые районы губернии.

Нарастание стачечной волны в губернии в период 1870-1880 г. г. видно из следующей таблицы:

Годы	Число стачек	Число бастовавших рабочих	
		Всего	В проц. к общему числу бастовавших за 11 лет
1870	1	78	0,64
1871	1	32	0,26
1872	2	1000	8,25
1876	2	740	6,10
1877	1	1000	8,25
1878	3	3184	26,26
1879	5	2996	24,72
1880	2	3094	25,52
	17	12124	100

---

[116]) Архив канц. Влад. губернатора, 1880 г., д. № 164.
[117]) Директор Крошо в 1895 г. на этой же фабрике был убит рабочими.
[118]) Архив ст. фабр. инспектора Владим. губернии, 1895 г., наряд XVIII, д. № 5.

Наибольшее количество стачек, как видно из таблицы, падает на конец десятилетия, на годы промышленного под'ема. Кризис в середине 70-х годов не давал возможности рабочему классу продолжать начатую борьбу с капиталистами и поэтому за 1873-1875 г. г. по губернии не отмечено пока ни одной стачки.

В каких районах больше развивалось стачечное движение в 70-х годах? Об этом можно иметь представление по следующей таблице:

Районы губернии	Число стачек	Число бастовавших рабочих	
		Всего	В проц. к общему числу за 11 лет
Шуйский уезд	4	6170	50,89
Владимирский уезд	2	2167	17,87
Орехово-Зуево	3	1540	12,70
Г. Иваново-Вознесенск	5	1078	8,89
Ковровский уезд	1	1000	8,25
Покровский уезд	1	94	0,78
Г. Шуя	1	75	0,62

На первом месте стоит Шуйский уезд, на который падает свыше 50 проц. всего количества принимавших участие в стачках рабочих, затем идут Владимирский уезд, Орехово-Зуево и Иваново-Вознесенск.

По числу стачек на первом месте стоит Иваново-Вознесенск.

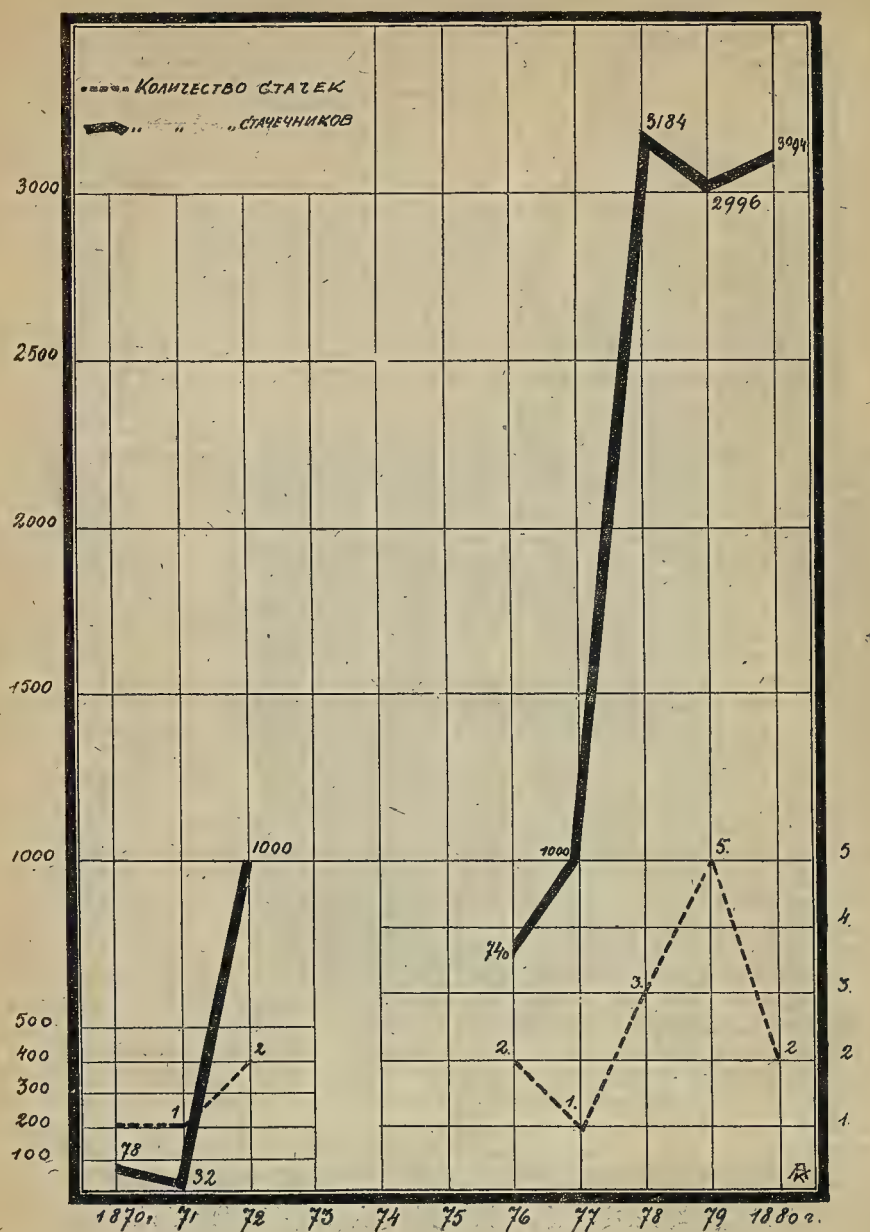
Не трудно заметить, что стачечное движение в 70-х годах происходило фактически в двух районах—в Иваново-Вознесенском (Шуйский уезд и предприятия Ковровского уезда, тяготеющие к Шуе) и Орехово-Зуевском (Покровский и Владимирский уезды). В остальных районах (Александров, Вязники, Меленки, Муром и Переславль) рабочие еще слишком тесно были связаны с крестьянским хозяйством и поэтому процесс пробуждения классового самосознания рабочих там происходил значительно позднее.

Преобладание в губернии хлопчато-бумажной промышленности сказалось, понятно, и на стачечном движении. Подавляющее количество стачек падает именно на эту отрасль промышленности, что видно из следующей таблицы:

Категории рабочих	Число стачек		Число бастовавш.	
	Всего	В проц.	Всего	В проц.
Текстильные	13	76,46	11646	96,06
Металлисты	2	11,77	217	1,79
Сезонные рабочие	2	11,77	261	2,15

Переходя к характеристике стачечного движения в губернии в 70-х годах, приходится прежде всего отметить, что большинство стачек этого периода (10 из 17) носили не оборонительный, а наступательный характер, при чем большинство стачек окончилось полным или частичным удовлетворением требований рабочих. Из 17 стачек в пользу

Стачечное движение во Владимирской губ в 70-х годах прошлого столетия.



рабочих окончилось 5, в пользу предпринимателей—8 и компромиссом—4. Из 12124 бастовавших рабочих 4384 чел. получили полное удовлетворение своих требований, 3298 чел.—частичное и 4442 чел. не получили от стачек никаких материальных результатов.

О причинах возникновения стачек можно иметь представление по следующей таблице:

Причины стачек	Число стачек	Число бастовавших	
		Всего	В проц.
Низкие расценки	8	7014	57,85
Ночная работа под праздники	3	1092	9,01
Высокие штрафы	2	557	4,59
Несвоеврем. выдача зар.платы	1	200	1,65
Общие тяжелые условия работы	2	261	2,15
Притеснения администрации	1	3000	24,75

Значение стачечного движения 70-х годов заключается в том, что оно, с одной стороны, толкало правительство на путь фабричного законодательства (о чем мы будем говорить в следующей главе), с другой—сплачивало рабочих, заставляло их чувствовать себя членами одной рабочей семьи, которая только общими усилиями может добиться улучшения своего материального и правового положения. Правильно М. Лядов отмечает, что „даже неудачные, неорганизованные стачки подготовляли почву для дальнейшей работы среди масс. „Все за одного и один за всех" уже в 70-х годах становится общим лозунгом рабочих" [119]).

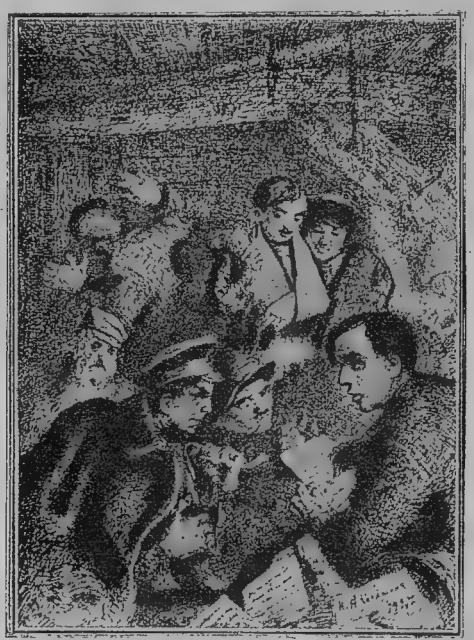
О том, что под влиянием начавшегося стачечного движения уже в начале 70-х годов среди отдельных слоев рабочих намечалось стремление к организации, говорит имеющийся у нас любопытный документ, представляющий из себя проект приговора рабочей артели на фабрике С. Морозова в Орехово-Зуеве. Приведем этот документ полностью:

„1872 года, октября 14 дня. Мы нижеподписавшиеся рабочие разных работ Никольской м-ры купца С. Морозова сын. и К-о, Владимирской губернии, Покровского уезда, вновь образовавшейся артели под названием Покровской по дню ее открытия, в присутствии г. директора вышеупомянутой м-ры Ардалиона Андреяновича Сутугина, пом. управляющего Саввы Прохоровича Тихомирова и г. надзирателя Аполлона Александровича Обернибесова, наблюдающего за порядком от правительства, были собраны на сходе в новой артельной казарме и имели суждение для введения правильного основания нашей артели. Постановили: избрать с среды своего общества числящегося населения 350 человек трех добросовестных, а именно: 1) . . . 2) . . . 3) . . . для усовершенствования и ведения порядка к общему благу хозяина и нашего общества, представляем и требуем от вышеупомянутых доверенных лиц наблюдать за правильным ходом всех частей, касающихся артели, дабы не было злоупотреблений, а все по

[119]) М. Лядов—„История Российской Социалдемократической Рабочей Партии", книгоизд. Е. Д. Мячкова „Колокол", С.-Петербург, 1906 г., стр. 24.

возможности клонилось к улучшению порядка, также разбирать все претензии, жалобы, беспорядки, сделанные преступления, кроме уголовных, которые разбирать будет правительство (если это случится), взвешивать и наказывать по усмотрению вины, не превышая законной власти, в присутствии председательствующего старосты, на что должен вестся штрафной шнуровой журнал и все разбирательства прежние должны быть записываемы поочередно для видимости, с скрепою старосты и трех членов *и представляемы для рассмотрения и утверждения конторы*, к чему и подписуемся рабочие Никольской м-ры NN“ [120].

Характерно в этом документе то, что все взаимоотношения внутри артели рабочих, насчитывающей 350 человек, должны были регулироваться выборными старостами, а на долю правительственных органов оставался только разбор уголовных преступлений. Понятно, что осуществить это „самоуправление“ рабочим не дали. Хотя губернатор и не признал ничего преступного в этом приговоре, все же фабричная администрация и полиция решили поскорее избавиться от его автора—смотрителя рабочей казармы Александра Мартыновича Милевского, уволив его в конце октября 1872 г. с фабрики.



В рабочем кружке
(с картины Н. А. Касаткина).

[120] Архив канц. Влад. губернатора, 1872 г., д. № 128. Курсивом отмечены слова, вставленные позднее,—вероятно, перед тем, как этот документ должен был быть представлен по требованию в фабричную контору и в полицию.

Влияние рабочего движения в губернии на фабричное законодательство.

В 60-х годах рабочий вопрос совершенно не интересовал еще местные административные органы, т. к. рабочее движение было еще только в зародыше и взаимоотношения между предпринимателями и рабочими на фабриках и заводах регулировались еще „семейным порядком", установленным в период крепостного права. Поэтому за первое десятилетие после крестьянской реформы можно отметить очень немногое, относящееся к мероприятиям губернской административной власти в области регулирования взаимоотношений между рабочими и предпринимателями.

Назначенный в марте 1866 г. Владимирским губернатором генерал-лейтенат Струков начал свою деятельность в губернии тем, что предложил состоявшему при нем чиновнику для особых поручений Андрееву обследовать находившиеся в г. Владимире фабрики, заводы и ремесленные мастерские. Цель этого обследования губернатор в письме на имя Андреева определял следующим образом: „в ряду указанных законом разнообразных предметов попечения губернатора к общему благоустройству и благочинию, признавая немаловажным предметом заботливость, чтобы записанные в цехах мастера, подмастеры и ученики, занимающиеся артелями в ремесленных мастерских, а равно рабочие люди, работающие на разного рода заведениях и на фабриках, содержались исправно хозяевами своими, чтобы между собой сохраняли согласие и добрые нравы, не предавались в свободное от занятий время мотовству, распутству, запрещенным играм и всему тому, что может возбуждать к порочным склонностям и привычкам, или же усиливать их, чтобы в точности исполняли постановления о должном уважении воскресных дней и также торжественных праздников, я в сказанных видах поручаю Вам обозреть находящиеся во Владимире фабрики, заводы и ремесленные мастерские и на месте внимательно разузнать во всех отношениях быт мастеровых и рабочих людей" [121]).

Обследование это произведено не было, т. к. предложение губернатора Андреевым почему-то было передано для исполнения в губернское правление и затерялось там в недрах бумажной переписки.

В ноябре 1868 г. Струковым был издан циркуляр, предписывавший исправникам обязать подпиской фабрикантов и заводчиков принимать меры к предупреждению несчастных случаев с рабочими и обучать последних обращению с машинами. Издание этого циркуляра было вызвано многочисленными жалобами рабочих на то, что фабриканты отказываются лечить получивших увечья рабочих и не оказывают им никакой помощи во время болезни и в тех случаях, когда рабочий после полученного на фабрике увечья становится неспособным к труду [122]).

[121]) Архив канц. Влад губернатора, 1866 г., д. № 200.
[122]) Архив канц. Влад. губернатора, 1868 г., д. № 266.

Этим и исчерпывается все, что нам удалось найти в местных архивах, относящееся к фабрично-заводскому законодательству губернской административной власти за период 60-х годов.

Развитие стачечного движения с начала 70-х годов поставило перед правительственными органами и вопрос о более активной политике в рабочем вопросе. Репрессивные меры, направленные против стачечников (циркуляры министерства внутренних дел от 6 июля 1870 г. и 30 сентября 1871 г.), не могли дать ожидаемых правительством результатов. Стачечное движение ширилось и крепло, захватывая все новые и новые районы, вовлекая в борьбу с капиталом десятки и сотни тысяч рабочих разнообразных отраслей промышленности. Но все же рабочий класс был еще слаб для того, чтобы заставить правительство решительно стать на путь фабричного законодательства и поэтому на всем протяжении 70-х годов чего-либо реального в области охраны труда и регулирования взаимоотношений между рабочими и предпринимателями сделано еще не было. Все дело свелось только к разговорам, к обсуждениям проектов в многочисленных общественных и правительственных комиссиях, к переписке между разными ведомствами и учреждениями.

Так было в столице, так было и во Владимирской губернии.

Больше всего разговоров было вокруг вопроса о детском труде. Этот вопрос поднят был еще в начале 60-х годов, но тогда губернские правительственные органы оказались всецело на стороне фабрикантов и высказались против всяких мероприятий, направленных к облегчению детского труда на фабриках и заводах. Владимирский губернатор Тиличеев в отзыве на проект закона об облегчении положения детей на фабриках и заводах, разработанный в 1859 г. особой комиссией при С.-Петербургском генерал-губернаторе [123]), писал следующее: „запрещение принимать малолетних на фабрики поставит их в положение непроизводительных членов семейства. Если доселе чувство любви родительской не ограждало малолетков от посылки на фабрику, то нет никакого основания предполагать, что запрещение приема на фабрику вдруг разовьет это чувство и побудит родителей содержать малолетков на своем иждивении... Напротив, естественно, что они будут употреблены на работы и ближе всего по той же отрасли промышленности, но только в заведениях, ускользающих от контроля, или на которые не распространяется запрещение. В настоящем случае такими заведениями будут ручные станки в светелках и избах... Остается только рассмотреть, легче-ли и менее-ли вредны для здоровья работы в светелках и избах, чем на фабриках? Люди, близко знакомые с делом, утверждают, что первые несравненно тяжелее и вреднее для малолетних, чем работа на механических фабриках... При запрещении найма на фабрику малолетние увеличат собою только число работающих по найму в светелках и избах, а что те и другие сырее и смраднее самых посредственных фабричных мастерских, в том не может быть ни малейшего сомнения для тех, кому хотя однажды случалось бывать в них во время работы“.[124]).

---

[123]) Проект предусматривал такие меры, как запрещение принимать на работу детей моложе 12 лет, ограничение рабочего времени для несовершеннолетних от 12 до 14 лет 10-ю часами в сутки, запрещение ночной работы для несовершеннолетних до 16-летнего возраста, учреждение для надзора за исполнением этих правил фабричной инспекции.

[124]) Цитируем по Туган-Барановскому—„Русская фабрика“..., стр. 299.

Интересна аргументация, которой оперирует губернатор, высказываясь против ограничительных правил для детской работы. Вместо того, чтобы рекомендовать распространение этих правил и на кустарные предприятия (где условия работы были хуже, чем на фабриках и заводах), губернатор вообще высказывается против всего проекта, намечающего робкие попытки охраны детского труда от эксплоатации фабрикантов.

С начала 70-х годов, в связи с усилившимся рабочим движением, положение изменилось и губернатор сам уже стал возбуждать вопрос о необходимости облегчения труда малолетних на фабриках и заводах. 27 февраля (11 марта) губернатор обратился к губернскому земству с предложением указать „желательное определение законом рабочего дня для детей и несовершеннолетних и обязанности фабрикантов устроить при фабриках школы". Губернское земское собрание 18 (30) декабря того же года утвердило проект правил, по которым дети до 14-летнего возраста не должны были допускаться на работы на фабриках, рабочий день для несовершеннолетних от 14 до 17 лет ограничивался 8-ю часами в сутки, с перерывом в 2 часа на отдых; при тех фабриках, где работало больше 100 чел. рабочих, фабриканты обязывались открыть школы. Губернатор сообщил проект губернского земства министру внутренних дел и на этом дело окончилось[125]).

В 1877 г. губернское земство вновь подняло вопрос о положении детей и несовершеннолетних на фабриках. Учрежденная в этом году комиссия для разработки вопроса „о неправильном отношении фабрикантов к фабричным рабочим" в обязательные правила для фабрикантов, о которых мы еще будем говорить ниже, включила и те правила о работе на фабриках малолетних, которые были утверждены губернским земским собранием в декабре 1874 г. Очередное губернское собрание 15 (27) декабря 1878 г. постановило проект этот разослать для отзыва фабрикантам и только после этого внести его на утверждение и сообщить губернатору. Интересно отметить, что из всего проекта больше всего возражений со стороны фабрикантов встретил пункт о запрещении принимать на фабрики детей моложе 14-летнего возраста. Фабрикант Смирнов находил этот пункт „неудобоисполнимым не только со стороны фабрикантов таких фабрик, на которых производится ручная работа, но и самих рабочих, из которых большая часть проживает на фабрике с семьей и мальчик или девочка лет 7-8 помогает уже своим родителям размоткой пряжи на шпули, а по нужде—еще несовершеннолетний мальчик садится за стан и старается работать и помогать в нужде своим родителям". Фабрикант Кондратов высказался против запрещения приема детей до 14-летнего возраста на фабрики по тем же причинам, какие приводил губернатор Тиличеев против проекта Петербургского губернатора в 1859 году. Кондратов писал, что „привести предположенную меру в исполнение одним запрещением нельзя, т. к. если действительно детям без работы существовать нечем, то при удалении их с фабрик они будут поступать к кустарям на полный произвол мелкого нанимателя, который более бесконтрольно может употреблять малолетнего на неподходящую возрасту работу". Товарищество Шуйской м-ры писало, что „возраст и время работ для детей - работников должен быть определен в зависимости не только от гигиенических условий, но также и от материального благосостояния семьи, где есть дети работники". „Не следует упускать из виду,—поучало Т-во зем-

[125]) Архив канц. Влад. губернатора, 1874 г., д. № 141, л. 4-5.

скую управу,—что с уменьшением числа рабочих часов для детей задельная плата их должна уменьшиться пропорционально, между тем как при их труде в данное время от 12 до 14 часов в сутки они получают вознаграждение за свой труд, только почти достаточное для своего содержания (пища, обувь и одежда). С уменьшением же числа рабочих часов и уменьшением, стало быть, задельной платы, дети-работники должны будут отчасти содержаться на счет их родителей или родственников, тогда как последние отдают своих детей на фабрику для заработка, чтобы освободиться от лишнего рта и не терпеть самим лишений. Поэтому предполагаемая крайняя реформа в детском труде будет несвоевременна, т. к. еще семьи детей-работников не отличаются в данное время особенным материальным благосостоянием".

Трудно подыскать соответствующее определение цинизму этого заявления Т-ва Шуйской м-ры. Чтобы поднять благосостояние рабочей семьи, надо допускать на фабрики детей с раннего возраста; чтобы освободить детей от работы на фабриках, надо сначала поднять благосостояние рабочей семьи,—такова логика фабриканта-эксплоататора. Приведя такую аргументацию против проекта, Т-во допускает в своем отзыве и некоторый „либерализм", заявляя: „но все-таки нельзя не согласиться, что практикующийся детский труд на фабриках черезчур утомителен для детского не развитого организма и необходимо следует уменьшить число рабочих часов для детей, но только не до 8, а до 12, из которых два часа, в половине дня, на отдых; вместо же 14-летнего возраста допустить 12-летний".

Против запрещения принимать на фабрики детей моложе 14-летнего возраста высказались все владельцы стекольных заводов. Заводчик Костерев в своем отзыве писал, что „если детей не принимать на работу до 14 лет, то это для мастеровых стеклянного завода неудобно—во-первых, потому, что такого возраста мальчику трудно будет проходить все степени мастерства, которое требует с ранних лет навыка и развития рук при переходе от одного к другому изделию, так что в полные мастера едва-ли они могут попасть ранее 30 лет, что, вместе с тем, при существующих по разрядам работ цен, обременительно будет для их семей, и во-вторых—некоторые семейства из рабочих единственно только и содержатся на заработки детей; при настоящем же положении они должны будут оставить работы на стеклянных заводах и изыскивать другой промысел, что для коренного заводского рабочего, не имеющего своей оседлости, неудобно". Не надеясь, очевидно, на убедительность своих доводов, Костерев в августе 1879 г. представил в губернскую земскую управу заявление от мастеровых и рабочих своего завода. В этом заявлении рабочие писали: „Мы, нижеподписавшиеся, выслушав от конторы Мишеронского завода определение губернской земской управы о недопущении в работу наших детей, недостигнувших 14-летнего возраста, находим это для себя неудобным, потому что стеклянное мастерство есть от прочих исключительное, требующее привычки к жару, особенного развития рук, особенных приемов, которые достигаются со временем и постепенно, и многое другое, что непременно каждый должен знать до 14-летнего возраста, иначе он не будет иметь возможность быть мастером. В виду этого, мы покорнейше просим земскую управу командировать от себя члена на завод для ознакомления с делом на месте и собрания точных сведений, касающихся до стеклянного производства. Кроме того, поставляем на вид, что на заводе есть много семей,

которые только и прокармливаются теми малолетними, которых земская управа определила не допускать в работу" [126]). Мы не знаем, думали-ли так по своей темноте рабочие, или заставил их заводчик подписать такое заявление,—дело от этого не меняется: капитал всяческими способами защищал свои интересы.

В 1880 г. Владимирский губернатор Судиенко в докладе министру внутренних дел особенно выпукло поставил вопрос о необходимости издания специального закона, ограждающего труд малолетних. „Едва ли представляется необходимым,—писал губернатор,—подробное изложение всех гибельных для малолетних последствий фабричной работы... Громадное число ежегодно в фабричных местностях бракуемых новобранцев служит наглядным доказательством разрушающего влияния непосильной работы и вообще всей фабричной обстановки на юное поколение в самую пору его физического развития. Без преувеличения можно утверждать, что населению таких местностей угрожает серьезная опасность, если не будет принято энергичных мер к ограничению детской работы. Такое ограничение, по моему мнению, не угрожает ни хозяйственному быту фабричного населения, ни дальнейшему преуспеянию фабричной промышленности: в первый оно не внесет никакого расстройства и едва-ли помешает последнему. Ныне повсеместно распространенный обычай предложения детских рабочих рук ведет к крайнему понижению заделной платы. С изданием общеобязательных правил, ограничивающих детский труд, возвысится заделная плата взрослым и устранится всякая возможность конкуренции, основанной исключительно на дешевизне труда, подчинив всех фабрикантов более или менее одинаковым условиям относительно расходов по найму рабочих. В свою очередь возвышение заделной платы едва-ли повлияет и на вздорожание фабричных изделий и отразится разве только на уменьшении частных прибылей капиталистов-предпринимателей. Но в виду тех благодетельных последствий, на которые можно с уверенностью рассчитывать от издания законодательных правил, направленных к охране детского труда, едва-ли следует останавливаться перед подобного рода опасениями".

Губернатор предлагал установить в законодательном порядке следующие правила:

1. Безусловное воспрещение принимать в число фабричных рабочих детей обоего пола до 12-летнего возраста. Нарушители этого—родители, родственники или опекуны малолетних—подвергаются штрафу от 25 до 100 рублей.

2. Ограничение числа рабочих часов для малолетних от 12 до 14-летнего возраста 6-ю часами, от 14 до 17-летнего возраста—8-ю часами в сутки.

3. Безусловное воспрещение употреблять малолетних до 17-летнего возраста на ночные работы.

4. Обязательное для фабрикантов устройство отдельных от взрослых рабочих казарменных помещений для мальчиков и девочек, с учреждением над ними надзора в тех случаях, когда они не помещаются вместе с родителями; устройство особых отделений для малолетних при фабричных больницах.

5. За нарушение ст. 2, 3 и 4 этих правил фабриканты должны подвергаться штрафу от 60 до 300 рублей; подвергшиеся троекрат-

[126]) „Доклады Владимирской губернской земской управы очередному губернскому земскому собранию XV-й сессии"; г. Владимир, 1880 г., стр. 67-87.

ному оштрафованию лишаются права найма несовершеннолетних рабочих.

Кроме этих правил, губернатор считал необходимым определить те отрасли производства, в которых по роду условий работы должна быть безусловно запрещена работа несовершеннолетних; для контроля за исполнением всех правил о работе несовершеннолетних должна быть учреждена фабричная инспекция [127]).

Между тем отзывом, который был дан Владимирским губернатором на Петербургский проект 1859 г., и настоящим докладом имеется, как видим, большая разница. Тогда губернатор всецело был на стороне фабрикантов, теперь он готов принести в жертву известную долю чистых прибылей капиталистов-предпринимателей. Стачечное движение явилось достаточно убедительным средством даже для бронированных лбов тогдашней бюрократии.

Как известно, правительством 1 июня 1882 г. был издан закон, воспрещавший прием малолетних на фабрики до 12-летнего возраста и ограничивавший рабочий день для несовершеннолетних в возрасте 12-15 лет 8-ю часами в сутки. Этот закон,—по определению М. Н. Покровского,—со стороны фабрикантов ничего не встретил, кроме презрения [128]). Прежде всего, закон вводился в действие только через два года после его издания, а учрежденной для контроля за исполнением этого закона фабричной инспекции никакой власти дадено не было. Таковы были результаты всех разговоров в 70-х годах об охране детского труда.

Помимо вопросов облегчения положения малолетних на фабриках, губернские административные и общественные органы в 70-х годах занимались и вопросами положения взрослых рабочих. Так, 16 (28) августа 1875 г. губернатор издал секретный циркуляр исправникам, в котором сообщалось им о высоких штрафах, налагаемых на рабочих фабрикантами, и об удержании фабрикантами с рабочих при увольнениях (даже по уважительным причинам) заработной платы за последние недели их работы на фабрике. В циркуляре говорилось, что „такие действия фабрикантов, заводчиков и их управляющих, понятно, не могут не вызывать в среде рабочих ропота и неудовольствий, а это легко может повести к последствиям более серьезным и весьма печальным для самих владельцев фабрик и заводов". Исправникам предлагалось внимательно следить за такого рода явлениями и принимать соответствующие меры, чтобы не доводить рабочих до открытого выступления [129]).

Одновременно с этим циркуляром губернатором был издан и другой циркуляр, предписывавший исправникам иметь наблюдение за фабричными лавками, не допускать продажи из них рабочим недоброкачественных продуктов и по ценам дороже базарных [130]).

Немного позднее, 6 (18) декабря 1875 г., министр внутренних дел личным секретным письмом губернатору сообщал о „натянутых будто бы отношениях рабочих Владимирской губернии к своим фабрикантам". „Фабриканты,—писал министр,—делая расчет с рабочими полуимпериалами, считают их в 6 руб. 25 коп., принимают же эту монету от рабочих при покупках в принадлежащих им, фабрикантам, лавках, находящихся при фабриках, в 5 руб. 75 коп. В случае бо-

[127]) Архив канц. Влад. губернатора, 1879 г., д. № 127.
[128]) М. Покровский—„Русская история в самом сжатом очерке", ч. I и II, стр. 183.
[129]) Архив секр. части канц. Влад. губернатора, 1875 г., д. № 15.
[130]) Архив канц. Влад. губернатора, 1875 г., д. № 152.

лезни рабочего ему не уплачивают заработанных денег. Рабочий, не получая плату по 5 и 6 недель, нуждаясь в деньгах и не имея кредита в других лавках, поневоле забирает в долг все продукты в фабричных лавках по самым высоким ценам. Если же рабочему необходимы деньги, то он вынужден бывает взять в лавке фабриканта в долг, например, ржаную муку по 75 коп., сахар по 24 коп. и продать на стороне по 61 и 18 коп. за пуд и фунт. Иногда рабочим платят сериями, присчитывая проценты за месяц и за два вперед, рабочие же продают серии по 49 руб. 50 коп. Такими злоупотреблениями отличаются в Ив.-Вознесенске фабриканты Александр Зубков, Гарелины, Борисов и др., в Шуе—Кокушкин и Калужский, местный городской голова. Все это возбуждает сильное неудовольствие между рабочими, которые особенно вооружены против фабриканта Кокушкина. Ожидают, что его рабочие, задолжав в фабричную лавку более той суммы, которую они отработали, откажутся от работ и, таким образом, по вине Кокушкина может произойти стачка“ [131]). Получив это письмо, губернатор издал новый циркуляр, в котором предлагал исправникам „каждую субботу об'являть рабочим и выставлять на видных местах при фабриках об'явления о стоимости полуимпериалов по биржевому курсу, извлекая эти сведения из газетной корреспонденции“ [132]).

С 1875 г. вопросом „о неправильном отношении фабрикантов к фабричным рабочим“ занялось губернское земство, при котором в январе 1877 г. была организована специальная комиссия по этому вопросу, представившая к очередному губернскому собранию в декабре 1878 г. проект обязательных правил для фабрикантов. Сущность этого проекта сводилась к следующему:

1. Уплата заработанных денег рабочим должна производиться ежемесячно наличными деньгами (кредитными билетами или золотом и серебром по существующему курсу).

2. В договорах о найме должны быть подробно перечислены праздничные дни, в которые рабочие пользуются отдыхом; в случае надобности, рабочий не в праве отказываться от работы и в праздничный день, но тогда он получает отдых в один из ближайших будничных дней.

3. Рабочие свободны покупать нужные им продукты где пожелают.

4. При фабриках, где имеются казарменные помещения для рабочих, фабриканты обязаны устроить специальные помещения или склады для хранения рабочими своих припасов и продуктов.

5. Фабриканты должны при фабриках отвести специальные места для свободной торговли с возов разных продуктов рабочим.

6. Изменения в заработной плате должны производиться с предварительным извещением об этом рабочих и с обязательной записью в рассчетные книжки.

7. Вычеты за прогулы и по другим причинам должны об'являться рабочему тотчас же по их определении и записываться в рассчетную книжку.

8. Фабриканты обязаны иметь на фабрике часы, „видные рабочим, которые заводились бы, отпирались и запирались в присутствии рабочих, во избежание возможных злоупотреблений и недоразумений“.

---

[131]) Архив секр. части канц. Влад. губернатора, 1875 г., д. № 15, л. 17-18.

[132]) Там-же, л. 13.

9. Всякие вычеты из заработной платы рабочих на устройство обязательных для фабрикантов заведений (школы, бани, больницы, помещения для припасов и т. п.) должны быть воспрещены; вычеты на устройство необязательных для фабрикантов заведений должны производиться только с предварительного на то согласия рабочих.

В проекте не забыты были и интересы фабрикантов. Пункты 10, 11 и 12-й говорят о том, чтобы „рабочий неуклонно исполнял по договору принятые им на себя работы и обязательства к хозяину", а „волостные и сельские начальства, в случае просьбы фабрикантов, должны побуждать рабочих к исполнению принятых ими на себя обязательств"; рабочий должен не менее как за месяц предупреждать хозяина о нежелании у него работать и обязан возвратить полностью „перебранные им у хозяина и незаработанные деньги".

Комиссия высказала пожелание, чтобы губернское земское собрание выбрало особых попечителей для надзора за исполнением этих правил, а также считала необходимым дополнить их теми правилами о работе малолетних, которые были приняты губернским земским собранием в 1874 году [133]).

Губернское земское собрание в декабре 1878 г. не решилось утвердить правила, выработанные особой комиссией, а постановило разослать их для отзыва фабрикантам губернии. В течение 1879 г. только 11 фабрикантов прислали свои отзывы, поэтому очередное земское собрание в декабре 1879 г. снова оставило вопрос открытым и снова обратилось к фабрикантам с просьбой дать отзывы о проекте. На эту вторичную просьбу еще 6 фабрикантов прислали отзывы и после этого уже в декабре 1880 г. проект окончательно поступил на утверждение губернского земского собрания.

Как и следовало ожидать, фабриканты высказались почти против всех пунктов проекта, затрагивавших их материальные интересы или стеснявших их свободу в отношении эксплоатации рабочей силы. Комиссия, вырабатывавшая правила, с большим вниманием отнеслась к отзывам фабрикантов и в первоначальный проект внесла много изменений. Так, пункт 2-й был дополнен в том смысле, что рабочий в праздничные дни может работать, по собственному желанию, за особую плату, не отгуливая эти дни в будни. Из пункта 9-го была исключена последняя часть, запрещавшая производить вычеты без предварительного согласия рабочих. Пункт 11-й был изложен совсем в новой редакции, предложенной т-вом Шуйской м-ры. По этому пункту рабочий мог теперь уволиться с фабрики без предупреждения хозяина за месяц только в случае смерти или болезни кого-либо из семьи, или пожара дома, но и в этих случаях он должен был предварительно представить удостоверение от сельского старосты о том, что семейные обстоятельства действительно требуют немедленного прибытия его на родину. По предложению киржачского фабриканта Соловьева в проект правил был внесен новый пункт о том, чтобы „при фабриках, где живет не менее 100 человек, обязательно было для фабриканта устроить чайную, в которой от хозяина должна быть отпускаема бесплатно горячая вода. При чайной должна быть учреждена на счет хозяина фабрики библиотека, с выпиской ежегодно не менее двух газет" [134]).

---

[133]) „Владимирский Земский Сборник", 1878 г., № 12, стр. 28-32.

[134]) „Доклады Владимирской губернской земской управы очередному губернскому земскому собранию XV-й сессий", стр. 67—87 и 200—209.

С этими поправками и дополнениями правила в декабре 1880 г. и были приняты губернским земским собранием.

Практическое значение многолетних „трудов" Владимирского земства по рабочему вопросу очень незначительно; справедливо отмечает М. Балабанов, что все эти проекты стали достоянием крыс земского архива [135]).

Усилившееся стачечное движение в губернии во второй половине 70-х годов заставило и Владимирского губернатора Судиенко забить тревогу и настойчиво ставить перед правительством вопрос о более активной политике в деле фабричного законодательства. В отчете за 1878-й год губернатор писал: „хотя развитие фабричной деятельности дает свободный доступ к заработкам, но нельзя, однако, признать, чтобы учреждение обширных мануфактур, вытеснивших кустарные промыслы, которыми прежде славилась губерния, благоприятно отразилось бы на положении местного населения. Дешевизна рабочих рук, вследствие усиленного предложения последних, дает возможность хозяевам-фабрикантам спускать заработную плату до нельзя, заставляя при том рабочих получать в счет последней с'естные припасы, обувь, одежду и пр. Привлеченный к фабричному станку железной рукой капиталиста-предпринимателя, рабочий оставляет в забросе свое хозяйство; прохарчив и пропив на фабрике весь свой заработок, нередко возвращается в семью физически изнуренный и нравственно испорченный" [136]). В этом же докладе губернатор обращал внимание правительства на „необходимость рассмотрения вопроса об ограждении малолетних детей от непосильного труда на фабриках и вообще регламентации фабричного труда". Александр II отметил это место в докладе губернатора и написал на нем резолюцию—„сообразить" [137]). Согласно этой резолюции, губернатору предложено было представить специальный доклад по вопросу о положении рабочих на фабриках и заводах и о мерах, которые должны быть приняты со стороны правительства в области регламентации фабричного труда. Доклад этот был представлен губернатором министру внутренних дел в январе 1880 года.

Перечислив в докладе те тяжелые условия, в которых находились рабочие на фабриках и заводах губернии, губернатор предлагал провести в законодательном порядке следующие мероприятия:

1. Ограничение числа рабочих часов на фабриках для взрослых 10-ю часами в сутки, с допущением производства работ сверх этого времени лишь по особому каждый раз соглашению хозяев с рабочими.

2. Обязательное производство уплаты жалования и заработной платы наличными деньгами, по истечении каждого месяца, не позже 3-го числа следующего.

3. Воспрещение всяких вычетов из жалованья или заработной платы на учреждение при фабриках каких бы то ни было благотворительных заведений или капиталов без согласия на то рабочих.

4. Представление на рассмотрение и утверждение губернского земского собрания составляемых фабричными управлениями расчетных книжек, тетрадей и проч.

5. Утверждение таким же порядком составляемых фабрикантами табелей о штрафах и вычетах за прогул, порчу материала и др. про-

---

[135]) М. Балабанов. — „Очерки по истории рабочего класса в России", ч. II, стр. 233.

[136]) Архив канц. Влад. губернатора, 1879 г., д. № 119, л. 4—5.

[137]) Архив канц. Влад. губернатора, 1879 г., д. № 127, л. 9.

винности, с опубликованием утвержденных табелей в губернских ведомостях.

6. Воспрещение удерживать могущие причитаться с рабочего штрафы из следуемой ему платы единовременно в размере, превышающем половину месячного его заработка.

7. Воспретить уменьшение жалованья или заработной платы, а также сокращение числа рабочих, без предварительного о том за месяц об'явления, как устно, так и через вывешивание об'явлений в фабричных помещениях, с одновременным о том уведомлением местной полиции.

8. Обязать хозяев фабрик не стеснять рабочих относительно способа покупки ими потребных припасов и материалов и воспретить им открытие лавочек при фабриках для продажи рабочим предметов потребления, где это не вызывается необходимостью.

9. Разрешение в потребных случаях открытия подобного рода лавочек предоставить усмотрению начальника губернии. Продажа продаваемых в оных предметов потребления должна производиться по таксе, утверждаемой местной уездной управой[138]).

Практического значения и этот доклад губернатора не имел, т. к. правительство не придавало еще большого значения рабочему движению и не торопилось с фабричным законодательством. В очередном отчете за 1880 г. губернатор поэтому снова возвращается к своему докладу и пытается обратить на него внимание нового царя—Александра III. „Положение фабричных рабочих в губернии,—пишет губернатор,—заслуживало бы особенного внимания, в особенности в настоящее время. Значительные пробелы в ныне действующих законах по отношению к фабричному труду и в особенности работе малолетних дают, к сожалению, широкий простор произволу и эксплоатации со стороны нанимателей. О необходимости рассмотрения вопроса о регулировании взаимных отношений нанимателей и рабочих, в виду его существенной важности и в предупреждение могущих при настоящем положении дела возникнуть затруднений, было мною повергаемо, во всеподданнейшем отчете за 1878 год, на высочайшее воззрение ныне в бозе почивающего государя императора, и, по воспоследовании на докладе сем высочайшей его величества резолюции „сообразить“, комитетом министров, через министра внутренних дел, было истребовано от меня представление о тех мерах, путем которых могло бы быть в действительности достигнуто улучшение быта фабричных рабочих вообще и малолетних в особенности. Соображения эти были мною представлены в январе 1880 года. Ныне вновь приемлю смелость повергнуть перед вашим императорским величеством о необходимости безотлагательного пересмотра устава о промышленности фабричной и заводской в видах достижения вышеозначенной цели“[139]).

Тревогу Владимирского губернатора, находившегося в одном из центров рабочего движения, не разделяли еще в верхах бюрократического правительственного аппарата. Понадобилась новая мощная волна стачечного движения в первой половине 80-х годов, чтобы заставить правительство более решительно стать на путь фабричного законодательства.

---

[138]) Архив канц. Влад. губернатора, 1879 г., д. № 127, л. 12—20. Полностью этот доклад губернатора помещен в журнале Владимирского Губплана „Наше Хозяйство“, 1927 г., № 4—5, стр. 134—139.

[139]) Архив канц. Влад. губернатора, 1881 г., д. № 113, л. 1—2.

То, о чем хлопотали под нажимом рабочего движения Владимирское земство и Владимирский губернатор в конце 70-х годов, частично осуществилось только в 1885 и 1886 г. г., когда после знаменитой Морозовской стачки в Орехово-Зуеве, крупных стачек в Иваново-Вознесенском районе и в других местах России, правительство издало, наконец, первые фабричные законы, хоть в некоторой степени облегчавшие положение рабочих на фабриках и заводах.

Запретная книга *(скульптура Мощинковой).*

Революционная пропаганда среди рабочих губернии.

Параллельно с экономическим стачечным движением шло и революционное движение среди рабочих губернии. Скудность сохранившихся материалов об этом интереснейшем периоде в истории рабочего класса в России не дает возможности полностью нарисовать картину этого движения, но все же и то, что имеется в нашем распоряжении, дает некоторое представление о первых шагах пробуждения классового самосознания пролетариата и его участия в политической борьбе с самодержавием.

Неудачи революционной пропаганды среди крестьянства заставили революционеров-народников с начала 70-х годов обратить больше внимания на рабочих. „Основной и самой характерной чертой народничества семидесятых годов,—пишет М. С. Ольминский,—было „хождение в народ". Под народом разумелось крестьянство. Промышленный рабочий казался тем же крестьянином, лишь временно появившимся в город на заработки. Но это был крестьянин, видавший виды, более развитой и живший в городе,—так сказать, под рукой. Естественно, что народники обратили внимание на городских рабочих прежде всего, как на ту среду, из которой можно вербовать последователей для деятельности в деревне... Началось сближение народников с пролетарской массой. С присущей тогдашним народникам самоотверженностью ради этого сближения они шли на фабрику простыми рабочими и несли всю тяготу жизни чернорабочего"[140]).

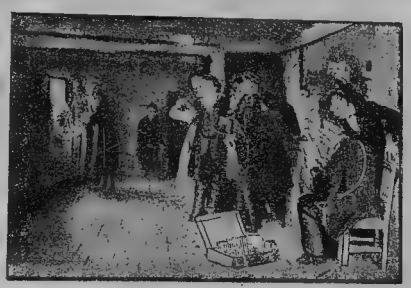
О том, как проникали народники-интеллигенты в рабочую среду, подробно сообщал в августе 1874 г. в секретном циркуляре исправникам и полицеймейстерам Владимирский губернатор Струков. „Дознаниями,—говорилось в циркуляре,—производящимися в разных местах Империи о распространении преступной пропаганды в народе, между прочим обнаружено, что лица, распространяющие эту пропаганду: одни, имея фальшивые паспорты, или не пред'являя никому своих настоящих видов, помещаются в простом народном платье рабочими в сапожные, слесарные и другие мастерские, в каменщики, штукатуры и вообще в рабочие артели, а другие, скрывая свое место пребывания, имеют ночлеги: в ночлежных домах, у своих знакомых, ночуя то у одного, то у другого, или же останавливаются в таких меблированных комнатах и постоялых дворах, где группируются рабочие и где есть возможность ускользнуть от внимания полиции; читают, об'ясняют на словах и передают рабочим и вообще крестьянам революционного содержания книжки; что делают также в деревнях, трактирах и других подобных заведениях. Кроме сего есть указания, что пропагаторы[141]) распространяют упомянутые

[140]) М. С. Ольминский—„Золотой век народничества и марксизм" (сборник „Из прошлого"; Истпарт ЦК РКП(б.)—Гос. Из-во, изд. 2-е, 1922 г., стр. 46).

[141]) Так на жандармско-полицейском жаргоне получили в первое время название пропагандисты-народники.

книжки чрез разных мелких книжных торговцев и в особенности через продающих в разноску по селам и фабрикам"[142]).

В том же августе месяце Иваново-Вознесенский полицеймейстер обнаружил и первого „пропагатора", правда, своевременно уехавшего из Иванова, но арестованного уже к этому времени в другом месте. Полицеймейстер в рапорте губернатору сообщал, что „с 14 мая по 17 июня в г. Иваново-Вознесенске, на ситцевой фабрике купца П. И. Лопатина, проживал в качестве слесаря сын генерал-майора Михаил Николаевич Шрейдер. На-днях дошли до меня слухи, что означенный Шрейдер где-то арестован и вследствие этого я собрал негласно сведения о Шрейдере относительно пребывания его на ф-ке



Арест пропагандиста *(с картины И. Е. Репина).*

Лопатина". По этим „негласным сведениям" оказалось, что Шрейдер был принят на ф-ку Лопатина по рекомендации Д. П. Лопатина, сына владельца этой фабрики, что уволен он с фабрики „за леность к работе и неуважение к механику Комарову" и что он на своей квартире „постоянно занимался чтением книг, даже в позднее время со свечою". Дальше полицеймейстер писал, что к Шрейдеру приезжала какая-то женщина, при чем об этой женщине в рапорте сообщались такие подробные сведения: „по имени Марья, жила скрытно, вид своей полиции не заявляла, очень красивая, лет 25-ти, довольно полная, в ушах золотые серьги, на руках хорошие кольца, говорит по московски, манеры выше чем крестьянские, хорошо грамотная"[143]).

Это сообщение Иваново-Вознесенского полицеймейстера говорило уже о том, что и во Владимирской губернии появились революционные агитаторы среди рабочих, поэтому губернское начальство немедленно приняло энергичные меры к искоренению „крамолы". О Шрейдере было сообщено генерал-лейтенанту Слезкину, производившему „по высочайшему повелению" дознание о государственных преступлениях, и по его распоряжению немедленно были арестованы все лица, так или иначе соприкасавшиеся со Шрейдером. В мест. Южа, Вязниковского уезда, был арестован рабочий Степан Петрович Судомоев, у которого в Иванове квартировал Шрейдер, в г. Суздале—Николай Михайлович Козлов и в Суздальском уезде—Николай Александрович Козлов[144]).

---

[142]) Архив секр. части канц. Влад. губернатора, 1874 г., д. № 18, л. 10.

[143]) Архив секр. части канц. Влад. губернатора, 1874 г., д. № 18, л. 5—7.

[144]) Оба Козловы были арестованы потому, что негласным дознанием была установлена связь Шрейдера с каким-то Николаем Козловым. Надо полагать, что если бы полиция в губернии обнаружила больше Николаев Козловых, то все они, наверно, были бы арестованы.

В июле 1875 г. полицией в Орехово-Зуеве у рабочего Григория Михайлова была отобрана народническая литература (6 номеров газеты „Работник“ и брошюра „Сказка о 4 братьях“), а в августе того же года в Иваново-Вознесенске была открыта уже целая группа пропагандистов-народников и склад революционной литературы.

Остановимся на последнем событии несколько подробнее.

7(19) августа 1875 г. Иваново-Вознесенский полицеймейстер телеграфировал губернатору, что он „открыл большую шайку пропагандистов и громадное количество при них книг революционного содержания“. В дальнейших донесениях полицеймейстер сообщал, что эта революционная организация „пустила уже большое зло в здешний

Члены Всероссийской социально-революционной организации, работавшие в 1875 г. в Иваново-Вознесенске.
Слева направо: Л. Фигнер, Е. Туманова, В. Александрова, А. Топоркова.

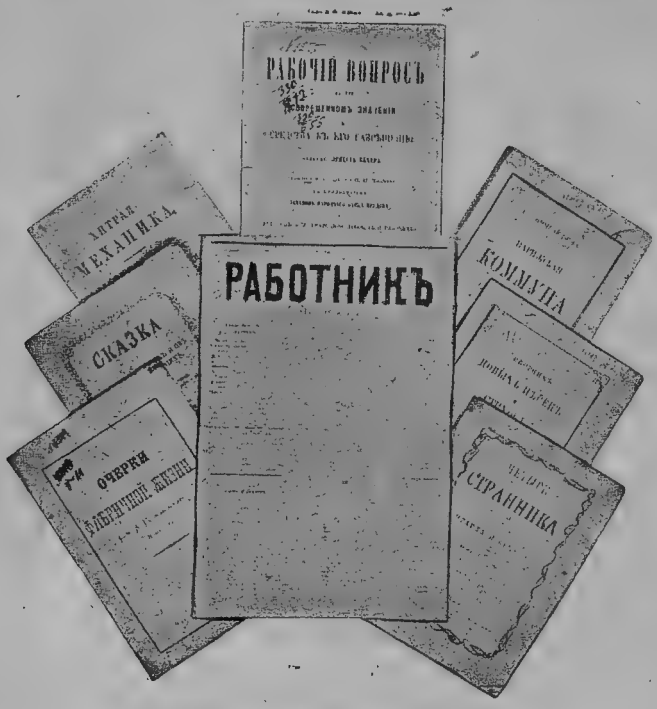
фабричный народ и нельзя не думать, что здесь в городе агитаторов много, т. к. взятые революционеры, кроме того, что надсмехаются над нами, т. е. полицией и жандармами, говоря, что мы немного толку сделали, что их взяли, а что они нас возьмут, и, кроме того, в последнее время я вижу дух фабричного народа крайне отчаянным и дерзким, и нельзя также не думать, что частью уже он подготовлен агитаторами к восстанию, и принимая во внимание здешний многочисленный город, имеющий с фабричными до 30 тысяч жителей, и бессильность полиции, которой всего только состоит 20 полицейских служителей и из них 10 за разными другими служебными обязанностями несут наружную службу, я имею честь ходатайствовать у вашего превосходительства и почтительнейше просить о скорейшей присылке сюда войска, по крайней мере двух батальонов, для подавления легко могущего быть восстания фабричных рабочих, тем более, что взятая шайка революционеров, имеющая у себя, как видно из переписки, у ней отобранной, все секретные шрифты (наверно, шифры—*Н. Ш.*) и получающая иностранные революционные газеты, живя здесь около двух месяцев и пользуясь революционною силою сообщников, рассеянною по другим местам России, настолько могуща, что со взятием ее еще другие могут быть и явятся агитаторы продолжать распространение зла в фабричном народе, вредного правительству“[145]).

Эту большую выдержку из донесения полицеймейстера мы привели с той целью, чтобы показать, как боялась полиция волнений среди рабочих и как она в маленьком народническом кружке видела уже призрак рабочего восстания, для предупреждения которого полицеймейстер требовал не менее двух батальонов солдат.

Группа народников (А. Топоркова, Л. Фигнер, В. Александрова, Е. Туманова-Гамкрелидзе, Вл. Александров и др.) приехали в Ива-

[145]) Архив секр. части канц. Влад. губернатора, 1875 г., д. № 13, л. 9.

ново-Вознесенск с целью основать там „общину“ и вести революционную пропаганду среди рабочих. „Ивановская община“ просуществовала около $2^1/_2$ месяцев, пока не была выдана полиции одним фабричным конторщиком. В августе 1875 г. все пропагандисты были арестованы, а на их квартире в доме Кисина полицией было отобрано большое количество нелегальной литературы (275 экз. разных брошюр и газет). Среди этой литературы были преимущественно те издания („Сказка о четырех братьях“, „Сказка о копейке“, „Бог-то бог, да сам не будь плох“, „Чтой-то, братцы, как тяжко живется нашему



Народническая литература для рабочих.

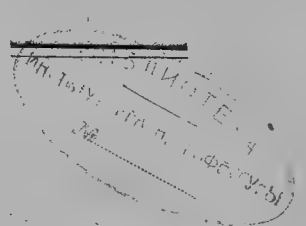
брату на русской земле“ и др.), о которых Г. В. Плеханов писал: „Какие книги больше всего читались в рабочей среде? Во всяком случае, не те революционные брошюры—сказки о четырех братьях и о копейке, Мудрице Наумове и проч., которые в особенности предназначались революционерами для народа. Все они так бедны содержанием, что удовлетворить хоть сколько-нибудь грамотного рабочего не могли. Они годились разве только для ничего не читавших новичков, да и по отношению к тем служили больше пробным камнем их настроения; если рабочий, прочитав такую книжку, не испугался, значит—из него будет толк, значит верноподданнические чувства и страх иудейский сидят в нем не глубоко. Если струсил— иди от него подальше, или, по крайней мере, будь с ним осторожнее“[146]).

[146]) Г. В. Плеханов—„Русский рабочий в революционном движении“; Гос. Изд-во, Москва—Петроград, 1922 г., стр. 17.

За короткое время своего пребывания в Иваново-Вознесенске революционеры-народники не могли широко развернуть пропагандистскую работу среди Ивановских рабочих, но все же около десятка рабочих им удалось привлечь к чтению и распространению революционной литературы. Утверждение прокурора на „процессе 50-ти“ (1877 г.), где судились эти народники-пропагандисты, что к „сообществу“ не примкнул ни один рабочий, мягко говоря—не соответствует действительности. Те рабочие, которые получали литературу, „верноподданнические чувства“ в себе побороли и пропагандистов полиции не выдали. Иваново-Вознесенский полицеймейстер имел все основания жаловаться губернатору на то, что „из всего многолюдного города Иваново-Вознесенска нашелся только один конторщик Литвинов довести до сведения правительства о появлении запрещенной книжки на фабрике своего хозяина и то довел до сведения полиции через многое время спустя длинными и окольными путями“[147]).

Кроме Орехово-Зуева и Иваново-Вознесенска, революционная народническая пропаганда в 70-х годах велась также и в других местах губернии (Киржач, Струнинская фабрика, в Александровском уезде), но почти никаких материалов об этом в местных архивах не сохранилось.

Народническая пропаганда, понятно, не оставалась бесплодной, а имела известное влияние на рабочих губернии. М. С. Ольминский в цитированной уже нами статье справедливо отмечает, что „сойдясь с рабочими, народники волей-неволей должны были войти в круг чисто-пролетарских классовых интересов. В свою очередь и рабочие... слышанное от народников воспринимали на свой пролетарский лад и применяли в практике своей чисто-пролетарской деятельности. Таким образом, ко времени появления на свет русских марксистов в рабочих центрах были налицо уже кадры подготовленных рабочих; им нужен был лишь небольшой толчек, чтобы перейти на классовую, чисто-пролетарскую, марксистскую позицию“.



147) Архив секр. части канц. Влад. губернатора, 1875 г., д. № 13, л. 24.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Стр.

Предисловие 3

Развитие промышленности во Владимирской губернии после реформы 1861 г. 5

Положение рабочих 15

Стачечное движение 30

Влияние рабочего движения в губернии на фабричное законодательство 46

Революционная пропаганда среди рабочих губернии 57

Цена 40 коп.

26196